

ЧЕРНЫШЕВСКИЙ В НЕМЕЦКОЙ РАБОЧЕЙ ПЕЧАТИ (1868—1889)

Статья и публикация Вольфа Дювеля (ГДР)*

Ближайшим поводом для этой работы¹ послужила статья, напечатанная В. Гоффеншефером в августе 1948 г. в «Знамени», в которой он ссылался на отчет о собрании социалистов в Генте, опубликованный во французской рабочей газете «Le socialiste» 2 сентября 1891 г. Судя по отчету, стены помещения, где происходило собрание, были украшены красными знаменами и панно, на которых были начертаны имена великих представителей социализма — Маркса, Сен-Симона, Фурье, Оуэна и Чернышевского. Возможно ли, что имя Чернышевского уже в то время было так известно западноевропейским рабочим?² Мы поставили себе задачу ответить на этот вопрос в той части, в которой это касается немецкого рабочего класса.

Имевшиеся в литературе сведения по данной теме оказались весьма скудными. В основном они были сосредоточены в четырех источниках.

В первом из них — воспоминаниях участника русского революционного движения А. Н. Тверитинова — упоминается, без точного указания даты, статья, посвященная Чернышевскому, в социал-демократической газете «Der Volksstaat» и другая статья в редактировавшемся В. Либкнехтом журнале «Die Neue Welt»³.

Во втором — «Воспоминаниях» Н. В. Шелгунова⁴ — ошибочно утверждается, что движение шестидесятых годов и имя Чернышевского были известны на Западе лишь в таком враждебно-тенденциозном освещении, какое дается в сочинениях Шедо-Ферротти, Николая Карловича и Иоганна Шерра⁵.

В третьем источнике — библиографических указателях М. Н. Чернышевского — хотя и приведено пятнадцать немецких названий, относящихся к Чернышевскому, но тему нашей работы эта весьма неполная библиография, в сущности, почти не затрагивает⁶.

Четвертый источник — напечатанное в 1949 г. сообщение Н. В. Спичарской об Августе Бебеле и Чернышевском, с публикацией русского перевода статьи Бебеля о романе «Что делать?»⁷.

Советскими библиографами были тщательно отмечены все высказывания о Чернышевском, встречающиеся в печатных сочинениях и рукописях Маркса⁸. Теперь, после того как были обнаружены части личной библиотеки Маркса, в том числе пять томов сочинений Чернышевского с собственноручными пометками Маркса на полях⁹, следует ожидать дальнейших публикаций в этой области.

Предлагаемая работа основывается на материалах немецкой социалистической печати 1868—1889 гг. Предварительное ознакомление с немецкой газетной и прочей библиографией не привело к выявлению

* Перевод с немецкого Л. М. Бродской.

сколько-нибудь ценных данных. Они были получены лишь в результате непосредственного обращения к комплектам немецких социалистических газет, хранящихся в Институте марксизма-ленинизма в Берлине. Прежде всего нами были просмотрены газеты: «Der Volksstaat» за 1869—1876 гг., «Vorwärts» (измененное название предыдущей газеты) за 1876—1878 гг., «Der Sozialdemokrat» за 1878—1890 гг. Для освещения фактов, имеющих особое значение (выступление французского писателя Ратисбонна на заседании конгресса Международного общества литераторов в Вене в 1881 г., выход в свет немецкого издания «Что делать?» в 1883 г., смерть Чернышевского), автор — поскольку это было возможно — привлекал и другие социалистические, а также буржуазные периодические издания¹⁰.

* * *

Первые сообщения о Чернышевском в немецкой печати относятся к началу и середине 1860-х годов. Так, в либеральном «Magazin für die Literatur des Auslandes» 7 мая 1862 г. была помещена рецензия на статью Чернышевского «О росписи государственных расходов и доходов»¹¹, а 6 мая 1865 г. напечатан отзыв о французской брошюре Герцена «Новая фаза русской литературы», в котором сообщалось об аресте и осуждении Чернышевского¹². Однако живое и более полное представление о великом русском революционере дала немецкому читателю лишь социалистическая пресса, в которой, начиная с 1868 г., постоянно упоминается имя Чернышевского. Благодаря сообщениям рабочей печати, мученический образ гениального мыслителя долго оставался для немецких социалистов символом русского освободительного движения.

Еще до опубликования известных высказываний о Чернышевском Маркса и Энгельса, близкий друг и соратник основоположников научного социализма Сигизмунд-Людвиг Боркгейм по разным поводам упоминал в немецкой рабочей печати об авторе «Что делать?». Боркгейм, стойкий немецкий революционер, особенно известен опубликованной им после франко-прусской войны 1870—1871 гг. брошюрой «На память немецким ура-патриотам. 1806—1807», в которой он напоминал упоенным победой немецким шовинистам об историческом опыте многих поражений и позорных капитуляций Пруссии во времена Наполеона I¹³. В личной библиотеке Маркса сохранился экземпляр этой брошюры со следующей надписью: «Моему другу Марксу. 6.12.71. Сигизмунд Боркгейм»¹⁴.

Энгельс написал для нового издания брошюры, вышедшего в Цюрихе в 1888 г., известное предисловие, в котором он высоко оценивает это сочинение¹⁵.

В 1874 году Боркгейм выступил на страницах «Der Volksstaat'a» с серией статей, в которых, говоря о процессе против французского маршала Базена, наносил тяжелые удары по прусской вильгельмовской Германии¹⁶. К сожалению, до нас не дошли воспоминания, над которыми Боркгейм работал в последние годы своей жизни¹⁷.

В начале 1860-х годов Боркгейм начал учиться русскому языку, прежде всего для того, чтобы разобраться в экспансионистской политике русского царизма в Европе¹⁸, но овладел этим языком в весьма недостаточной степени. При таких условиях его информация о русских делах имела серьезный характер лишь постольку, поскольку она опиралась на данные полученные от заслуживающих доверия лиц, например, А.А.Серно-Соловьевича. Из приобретенной в Женеве в 1867 г. брошюры-памфлета Серно-Соловьевича «Наши домашние дела», направленной против Герцена, Боркгейм узнал о Чернышевском и Добролюбова, и вскоре затем из обращенного к нему письма Серно-Соловьевича получил более подробные сведения об этих революционерах¹⁹. Поэтому можно считать весьма веро-

ятым, что Карл Маркс услышал в первый раз о Чернышевском в конце 1867 г. от Боркгейма²⁰.

В феврале 1868 г. имя Чернышевского впервые появилось в немецкой рабочей печати. Боркгейм опубликовал в издаваемой В. Либкнехтом «Demokratisches Wochenblatt», самой значительной в то время газете левого крыла немецкого рабочего движения²¹, статью «Русские политические изгнанники в Западной Европе», в которой он выступил против Герцена²². Боркгейм имел лишь весьма поверхностное представление о деятельности Герцена и всецело находился под сильным влиянием вышеупомянутого памфлета А. А. Серно-Соловьевича. Кроме того, человек с болезненно развитым самолюбием, Боркгейм считал себя оскорбленным издателем «Колокола», так как однажды на обращенную к нему просьбу Боркгейма ответил не сам Герцен, а его сын, по поручению отца²³. Отсюда в высшей степени предвзятое и враждебное отношение Боркгейма к Герцену, злобный тон его высказываний о нем. Он считает возможным характеризовать Герцена, а заодно с ним и Бакунина, как панславистов, приверженцев официальной России и пишет: «По отношению к нам все они заодно за исключением, может быть, решительных противников Герцена — Чернышевского, сосланного на каторгу в Сибирь, и Добролюбова, умершего в возрасте 26 лет, о которых мы, однако, располагаем весьма скудными сведениями»²⁴. Нас, впрочем в данном случае, интересует в приведенной цитате не отношение Боркгейма к Герцену, а указание на Чернышевского и Добролюбова, заимствованное, несомненно, из письма А. А. Серно-Соловьевича к Боркгейму от 18 октября 1867 г., в котором почти теми же словами сказано: «Первый <Чернышевский> приговорен к каторжным работам и находится в Сибири, а второй <Добролюбов> умер в возрасте 26 лет. Едва ли нужно добавлять, что они являются противниками Герцена...»²⁵.

В дальнейшем, разоблачая захватнические устремления царского правительства, Боркгейм направил свой главный удар против панславизма и в связи с этим неоднократно ссыался на Чернышевского. Осенью 1868 г. он опубликовал в «Demokratisches Wochenblatt» корреспонденцию «К восточному вопросу», в которой полемизировал с редактором газеты «Die vereinigten Staaten von Europa» — основанной первым женевским конгрессом «Лиги мира и свободы» (сентябрь 1867 г.) в качестве органа Лиги²⁶. Упомянув о своей направленной против царизма речи, произнесенной на Женевском конгрессе, Боркгейм пишет: «Вопреки Несторовой летописи, я настаиваю на том, что России совершенно незачем вмешиваться в европейские дела»²⁷. Ранее же он приводит длинную цитату из статьи Чернышевского «Народная бестолковость» (1861 г.), в которой разоблачалась реакционная сущность славянофильских взглядов на судьбы западнославянских народов. По всем данным, это была первая напечатанная на немецком языке цитата из сочинений Чернышевского. Боркгейм заимствовал ее из упомянутого памфлета А. А. Серно-Соловьевича²⁸.

Маркс и Энгельс, позиция которых по отношению к панславизму известна, проявляли в это время некоторую сдержанность к нападкам Боркгейма на панславизм — нападкам, которые уже тогда, в 1868 г., имели в виду прежде всего Бакунина. 24 октября 1868 г. Маркс иронически пишет Энгельсу: «Боркгейм, руссофобия которого (я привил ее ему как самое невинное противоядие, чтобы дать выход его излишней жизненной энергии) принимает опасные размеры, затеял теперь драку со старым Филиппом Беккером из-за того, что тот находится в хороших отношениях с Бакуниным и написал Боркгейму, чтобы он не нападал на Бакунина в своих письмах. Б<оркгейм> усматривает тут опасный заговор москвитов. Он полагает, что его „мастерские инвективы“ в еженедельнике Вильгельма заставили задрожать Византию, — а следовательно и Бакунина»²⁹.

Но не прошло и двух месяцев, как обнаружилось интриги Бакунина, пытавшегося посредством созданного им «Альянса социалистической демократии», включившего в себя тайный союз бакунистов, захватить руководство I Интернационалом и навязать международному рабочему движению свою анархическую программу. В разгоревшейся ожесточенной борьбе с этой опасностью Маркс и Энгельс стали поддерживать выступления Боркгейма против Бакунина, в том числе и тенденциозно предъявлявшееся Бакунину обвинение в панславизме, в поддержке официальной политики царизма.

В 1869—1870 гг. Боркгейм опубликовал в демократической берлинской газете «Die Zukunft» свои «Русские письма»³⁰. Идея их была внушена ему Марксом³¹. Разоблачительное острое «писем» было направлено одновременно против стратегических планов царизма в славянском вопросе и против будто бы близких этим планам тенденций Бакунина. Так, 21 июля 1869 г. мы читаем в «Die Zukunft»: «Фрондирующий, демократический панславизм Бакунина преследует те же цели, что и автократический правительственный панславизм в Петербурге»³².

И в дальнейшем, Маркс и Энгельс продолжали давать Боркгейму указания относительно его статей в «Die Zukunft»³³. 30 июля 1869 г. Энгельс пишет Марксу, что «пора как следует проучить его (Бакунина) и поставить вопрос, может ли вообще панславист быть членом Международного товарищества рабочих»³⁴. «Он не должен воображать, — продолжает Энгельс, — что можно перед рабочими разыгрывать космополитического коммуниста, а перед русскими — горячего националиста-панслависта. Несколько намеков Боркгейму, который с ним теперь возится, были бы весьма своевременны...»³⁵.

Итак, в 1869 г. Маркс и Энгельс поддерживали Боркгейма в его борьбе против панславизма и против Бакунина. Как уже было сказано выше, Боркгейм еще в 1868 г. назвал Чернышевского русским противником панславизма; вскоре ему вновь представился случай указать на него.

* * *

В августе 1869 г. в Германии, в Эйзенахе, была основана социал-демократическая рабочая партия. Издававшаяся Вильгельмом Либкнехтом в Лейпциге с 1868 г. газета «Demokratisches Wochenblatt», бывшая органом Саксонского рабочего союза, с октября 1869 г. стала центральным органом этой партии и получила название «Der Volksstaat»³⁶. Эта газета, руководствовавшаяся революционными принципами I Интернационала (в ней напечатали несколько статей Маркс и Энгельс), приобрела на немецких рабочих такое большое влияние, что в 1872 г. насчитывала уже 1800 подписчиков³⁷. Против «Der Volksstaat» выступала издававшаяся в Берлине газета лассальянцев «Social-Demokrat» (позже «Neuer Social-Demokrat»), ратовавших за компромисс с прусским государством и боровшихся против распространения марксизма в рабочем движении Германии.

В начале 1870 г. в немецкой рабочей печати раздался голос сблизившегося с Бакуниным Нечаева. Как известно, нелегально возвратившись осенью 1869 г. в Россию, Нечаев пытался создать здесь заговорщическую террористическую организацию «Народная расправа». Столкнувшись с оппозицией к своим провокационным методам со стороны члена организации, студента Иванова, Нечаев убил его, после чего вновь бежал за границу. В феврале 1870 г. «Der Volksstaat» и «Social-Demokrat» опубликовали листовку «Народной расправы» (составленную, несомненно, самим Нечаевым), в которой оправдывалось убийство Иванова³⁸. Непосредственно за этим в «Der Volksstaat» появилось длинное письмо Нечаева, в котором он, прибегая к обману, домогался сочувствия своему тяжелому положению, поскольку царское правительство требовало его

выдачи³⁹. Между прочим, Нечаев ссылаясь на то, что «татарско-немецкое» правительство оклеветало не только его, но также Чернышевского и Герцена.

С ответом Нечаеву выступил Боркгейм. В газете «Der Volksstaat» от 16 марта 1870 г. он поместил на немецком и русском языках полемическую статью под заглавием «Письмо Нечаева»⁴⁰. В ней он заявлял о неудовлетворительности объяснений Нечаева.

В последовавшей затем на страницах «Der Volksstaat» дискуссии, вызванной статьей Боркгейма, приняли участие также три русских социалиста, подписавшиеся групповым псевдонимом «Три партийных товарища»⁴¹. Соглашаясь с утверждениями Боркгейма о наличии у Бакунина панславистских тенденций, они вместе с тем категорически заявляли, что русская секция «Международного товарищества рабочих» ничего общего с панславизмом не имеет. Вообще, — писали они, — радикальному меньшинству в России присущи «скорее космополитические, чем специфически русские тенденции». Напротив того, в высказываниях Боркгейма, — полагали они, — виден «плохо скрытый шовинизм».

Боркгейм, больно задетый упреком в шовинизме, опубликовал 30 апреля 1870 г. ответ, в котором он еще раз попытался обосновать свою враждебную позицию по отношению не только к Бакунину, но и к Герцену, и затем заявил:

«Пишущий эти строки был первым, кто уже два года тому назад, и именно на страницах настоящей газеты, обратил внимание читателей на сочинения сосланного в сибирские рудники Чернышевского, противника всяких русских краснобаев, а потому и Герцена. Может быть, и это было сделано из „шовинизма“? Путь „Русской секции Международного

ПИСЬМА

БЕЗЪ

АДРЕСА.

НЕИЗДАННАЯ СТАТЬЯ

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО.

ЦЮРИХЪ.

Издание журнала „Впередъ“
1874

нать? какъ исполнить эту обязанность? какъ получить эту помощь? Экземпляры трудовъ Редакціонныхъ Комиссій разсылать начальникамъ губерній и губернскимъ предводителямъ дворянства, прося ихъ сообщать Редакціоннымъ Комиссіямъ свои замѣчанія.“ М. Г., скажите сами: развѣ начальники губерній и губернскіе предводители дворянства дѣлаютъ Россію? Развѣ судятъ ихъ—общій судъ цѣлой Россіи? Развѣ отчетъ передъ ними,—отчетъ передъ всею Россіей? Думаете ли вы, м. г., что онъ, человекъ умный, не былъ внутренне сконфуженъ передъ самимъ собою несообразностью своего заключенія съ началомъ? Думаете ли вы, что онъ могъ прямо смотрѣть въ глаза членамъ Редакціонныхъ Комиссій, когда переходилъ отъ своего начала къ своему заключенію. Я этого не думаю, потому что думать такъ значило бы оскорблять его память съ той стороны, съ которой уже никакъ нельзя отъязаться о немъ дурно, — со стороны ума.

Чѣмъ же можно объяснить такую странную несвязность мыслей, такое явное несоотвѣстствіе принимаемаго рѣшенія съ собственными желаніями? Конечно, только тѣмъ, что председатель Редакціонныхъ Комиссій и самъ былъ совершенно связанъ въ своихъ рѣшеніяхъ. И кѣмъ же былъ онъ связанъ въ этомъ случаѣ? Я говорю съ вами, м. г., прямо и открыто, потому выскажу самъ свое убѣж-

ЭКЗЕМПЛЯР «ПИСЕМ БЕЗ АДРЕСА» ЧЕРНЫШЕВСКОГО (ЦЮРИХ, 1874) ИЗ ЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ КАРЛА МАРКСА

Титульный лист и страница книги с пометами Маркса

Воспроизводится с негатива, хранящегося в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС Москва

товарищества рабочих" должны указывать идеи Чернышевского. Но отнюдь не Герцена! Отнюдь не Бакунина!

На весьма ценную книгу Флеровского „Положение рабочего класса в России“ недавно был наложен запрет, а сам Флеровский был арестован и отправлен в Сибирь. По-видимому, „шовинизм“ автора заставляет его возмущаться подобными вещами и при первой возможности оповещать о них своих читателей!

Было бы весьма важно знать, можно ли рассчитывать на *добросовестное* продолжение издания сочинений Чернышевского теперь, когда главный участник этого труда, Серно-Соловьевич, умер и его бумаги секвестрованы Бакуниным, а издавать Чернышевского будет уже не Бенда в Веве или Георг в Базеле, а Тхоржевский в Женеве, друг ныне покойных Долгорукова и Герцена, и, следовательно, противник Чернышевского и Серно-Соловьевича⁴².

После этих высказываний Боркгейма полемика с «Тремя партийными товарищами» — вероятно, членами Русской секции Интернационала — приняла неожиданный оборот. Второй ответ их Боркгейму, опубликованный 4 июня 1870 г. в «Der Volksstaat», начинался следующими словами:

«Личные раздоры неуместны на страницах *партийного* органа. Нашим немецким и славянским партийным товарищам было бы неинтересно, если бы мы выступили только в свою личную защиту. Нет,— мы с радостью протягиваем автору „Русских писем“ руку (с условием фактами доказать ему правильность нашего убеждения в нравственной чистоте А. Герцена), мы берем обратно наши слова о „шовинизме“ и можем питать лишь искреннее уважение к такому человеку, как автор „Русских писем“, который сумел оценить величайшего русского мыслителя Чернышевского. Разумеется, что мы ставим последнего много выше всех других агитаторов. Мы не настоящие русские, в наших жилах не течет славянская кровь, но все же мы можем причислить себя к русскому народу, поскольку мы родились и воспитывались в России. Говоря с немцем, мы можем беспристрастно сказать: русский народ может служить делу социализма с помощью таких людей, как Чернышевский и Герцен»⁴³.

«Три партийных товарища» (не был ли среди них Николай Утин, один из организаторов Русской секции Интернационала, человек, близко связанный в 1860-е годы с Чернышевским?) протестовали против предвзято-враждебного отношения Боркгейма к Герцену. С целью вскрыть клеветнический характер слухов о субсидиях, будто бы полученных Герценом от русского панславистского комитета, они требовали предъявления доказательств получения этих субсидий, ссылались на личное письмо Гарибальди, подтверждавшее авторитет Герцена у выдающихся европейских революционеров, наконец, напоминали о выступлениях Герцена против Бакунина. «Незадолго до своей кончины,— утверждалось в ответе Боркгейму,— он (Герцен) высказывался *против тайного общества „Народная расправа“*; таким образом ясно видно, что он не был солидарен с Бакуниным»⁴⁴. Тем самым в одностороннее суждение о Герцене были внесены поправки; однако Боркгейм не согласился с этой критикой⁴⁵.

Самым существенным для нашей темы в этом заявлении «Трех партийных товарищей» была характеристика Чернышевского как *величайшего русского мыслителя и политического агитатора*. Если мы учтем влияние, каким пользовался в то время на немецкий рабочий класс «Der Volksstaat», то нам станет ясно, какое значение должны были иметь эти слова для популяризации имени Чернышевского среди немецких социалистов.

Что касается Нечаева, то дискуссия окончилась полнейшим провалом приверженцев его и Бакунина. Редакция «Der Volksstaat», вначале

явно доверявшая Нечаеву, в конце дискуссии выступила с заявлением, что разоблачение этого заговорщика и его методов беспринципного террора является большой заслугой Боркгейма⁴⁶. В немецком рабочем движении только газета Лассала «Neuer Sozialdemokrat» оставалась, несмотря на разоблачение Нечаева, на его стороне. В 1872 г. эта газета не только предоставила Бакунину возможность выступить против Маркса но и позволила сторонникам Нечаева и Бакунина защищать необходимость убийства Иванова⁴⁷.

Чрезвычайно важен тот факт, что Маркс, не принимая личного участия в дискуссии, поддерживал выступления Боркгейма и частично инспирировал их. Из переписки Маркса и Энгельса за эти недели видно, что Маркс несколько раз встречался тогда с Боркгеймом, беседовал с ним о публикациях в «Der Volksstaat» и обращался по этому поводу с письмом к редактору газеты Вильгельму Либкнехту⁴⁸. И если редакция, помещая одно из выступлений Боркгейма, сопровождает его замечанием, что орган партии был *обязан* поместить данную статью⁴⁹, за этим чувствуется твердая, направляющая рука Маркса.

И, несомненно, замечания Боркгейма в статье от 30 апреля 1870 г., что именно идеи Чернышевского, а не Герцена и Бакунина должны указывать путь Русской секции I Интернационала, также были внушены автору Марксом. К такому выводу приводят следующие наблюдения.

Боркгейм ставит рядом имена Флеровского и Чернышевского, подобно тому как это было сделано Марксом месяцем раньше в его известном первом обращении к Комитету русской секции⁵⁰. При этом из писем Маркса совершенно ясно следует, что именно в то время он говорил с Боркгеймом о Флеровском⁵¹, и если Боркгейм 30 апреля пишет о будто бы имевшей место ссылке Флеровского, то речь может идти только о сведениях, полученных от Маркса, то есть о том же сообщении Лафарга, оказавшемся ложным, которое было передано Марксом Энгельсу в письме от 14 апреля 1870 г.

Если слова Боркгейма о Флеровском так явно ведут к Марксу, то не следует ли отсюда, что высказывания Боркгейма о Чернышевском имеют также ближайшее отношение к Марксу? Ведь вряд ли могут быть сомнения в том, что Маркс не раз говорил о Чернышевском в своих постоянных беседах с Боркгеймом, изучавшим, как и он, русский язык. От Боркгейма же Маркс впервые узнал о русских революционных демократах. Деятельность русского революционера, его литературные труды привлекали в то время пристальное внимание и Маркса, и Боркгейма, и были ими высоко ценимы. Близость суждений о Чернышевском вряд ли была результатом чистой случайности. Напротив того, можно с уверенностью полагать, что Боркгейм в статье от 30 апреля 1870 г. высказал *мысли Маркса о Чернышевском*.

Во второй половине 1870 г. франко-прусская война, привлекавшая к себе всеобщее внимание, отеснила русский вопрос в газете «Der Volksstaat» на задний план. Начиная с июля 1870 г. прекратилось и печатание «Русских писем» Боркгейма в газете «Die Zukunft»⁵². Но уже в начале 1871 г. Боркгейм выступил в «Der Volksstaat» с новой полемической статьей, направленной на этот раз против книги балтийского немца Юлиуса Эккарда «Jungrussisch und Altlivländisch».

Представитель фрондирующего балтийского дворянства, Юлиус Эккард описывает в своей книге период реформ Александра II и останавливается на политической деятельности Герцена. Он симпатизирует либеральным устремлениям «царя-освободителя» и называет Герцена «классическим либералом», причем демократического подхода Герцена к некоторым вопросам он, конечно, понять не может⁵³. В связи с журналом «Современник» Эккарду пришлось говорить и о Чернышевском, которого он характеризует следующим образом: «Фактическим руководителем этого

журнала был Николай Чернышевский, неизвестно откуда появившийся журналист, завоевавший своим блестящим сатирическим пером и беспощадной острой критикой первое место среди ныне здравствующих в России публицистов и часто называемый своими многочисленными приверженцами русским Робеспьером...»⁵⁴.

1 февраля 1871 г. Боркгейм выступил в газете «Der Volksstaat» с критикой этих высказываний Эккарда⁵⁵. Он резко напал на либеральное лицемерие Эккарда и на его утверждение будто Герцен должен считаться единственным представителем оппозиции в России. При этом Боркгейм снова отзывался о Герцене в весьма враждебном и неуважительном тоне.

Вскоре затем в «Der Volksstaat» появилось письмо одной русской корреспондентки, взявшей под защиту Герцена, но одновременно с этим выступившей против Маркса с явно выраженных бакунинских позиций. Она писала: «Конечно, Герцен не был гением, конечно, он не написал такого всемирно известного и общественно-полезного труда, как „Капитал“, но, может быть, он сделал нечто еще большее: его произведение, его слова воспламеняли, они были тем трубным гласом, который разбудил русский народ от мертвого сна, в какой его погрузил террор николаевского царствования, они воспитали целое поколение энергичных революционеров; они не остались мертвой буквой. Такое „бумагомарание“, несомненно, стоит и самых знаменитых произведений, являющихся плодом глубокой учености. При современном нашем болезненном состоянии необходимы разумные, рациональные, энергичные действия, а этого из абстрактных наук и теорий почерпнуть нельзя. Германия так много училась, так долго сидела в раздумии над науками и теориями, что уподобилась Гамлету, который в бесплодном анализировании и учености потерял мужественную энергию и не мог уже преодолеть в себе наследственную вялость. Меж тем как немецкое напичканное теориями юношество тратит свое время в пивных и на танцульках и проявляет столь мало интереса к современности, что даже не принимает сколько-нибудь значительного участия в международных студенческих конгрессах, русская молодежь жертвует для блага своего народа временем, состоянием и кровью без пышных фраз, с глубокой серьезностью, страстью и самоотвержением, подобных которым трудно найти в истории. Человека, о котором можно сказать, что он воспитал поколение активных людей, никак нельзя назвать „бумагомарателем“; упрек же в том, что он занимался революцией только в своих сочинениях, не позволяя идеям нарушать покой и уют своего зажиточного, праздного существования, этот справедливый упрек относится не только к одному Герцену, но и к другим революционным вождям; он, по крайней мере, может сослаться на свою молодость, проведенную под бичом Николая и которую никак нельзя причислить к самой спокойной и приятной»⁵⁶.

На это письмо Боркгейм отвечает полной язвительной сарказма статьей в «Der Volksstaat» от 12 апреля 1871 г.⁵⁷ Сначала он отклоняет как не подлежащую обсуждению попытку сравнения Маркса и Герцена, затем вновь нападает на Юлиуса Эккарда — на этот раз из-за его презрительного отзыва о Чернышевском, причем не жалеет самых резких сатирических красок. Он пишет: «Ничто так не доказывает скудоумия балтийского литературного ландскнехта, как наглость, с которой он расправляется с бедным Чернышевским, представляя его нам учеником Герцена, в то время как он был не только учителем последнего, но и учителем Каткова, который с азиатским воплем против Европы решился распаковать свой гегельянский хлам лишь во время последнего польского восстания, узнав, что Чернышевский схвачен русским правительством. Господин Чернышевский, которого подлый* лифляндец называет „неизвестно откуда

* В тексте игра слов. Немецкое слово «Niederungsmensch» означает «житель равнины», в то же время «niedrig» означает «низкий, подлый». — *Ред.*

появившимся журналистом», имел мужество опубликовать свои статьи в России еще до появления герценовского „Колокола“, печатавшегося за пределами России. Хотя господин Эккард рассказывает, что Чернышевский в 1862 г. был арестован как „бунтовщик“, он нигде не обмолвился о том, что его не освободили и что он по сей день погребен в Сибири». Далее Боркгейм говорит, что и для него Чернышевский является «образцом и учителем».

И здесь следует новая, весьма важная ссылка на основателя научного социализма. Боркгейм пишет: «Меня радует возможность заверить его <Чернышевского.—В. Д.> друзей в том, что искушенный в вопросах государственного социализма немецкий писатель, знакомый с русским языком, навеки воздаст ему должное своим пером».

Как известно, Маркс в 1872 г. систематически собирал материалы о Чернышевском⁵⁸. Он намеревался «напечатать что-нибудь о жизни, личности и т. д. Чернышевского, чтобы вызвать сочувствие к нему на Западе»⁵⁹. Весьма вероятно, что и приведенный новый отзыв Боркгейма о Чернышевском, относящийся к 1871 г., также связан с этим планом Маркса.

В конце своей статьи от 12 апреля 1871 г. Боркгейм обращается к редактору «Der Volksstaat» со следующей просьбой: «В целях ознакомления с русскими социалистами и, главным образом, с местом, занимаемым Чернышевским по отношению к месту, занимаемому Герценом, прошу вас, господин редактор, отпечатать прилагаемую рукопись моего перевода указанной выше брошюры Серно-Соловьевича „Наши домашние дела“ и продавать ее по самой низкой цене, чтобы только покрыть типографские расходы. В случае получения некоторого дохода, прошу вас использовать его на нужды вашей газеты».

Редакция сделала к этому постскриптому сноску: «Будет исполнено», и таким образом брошюра А. А. Серно-Соловьевича была в 1871 г. опубликована на немецком языке⁶⁰.

Рукопись сделанного в 1868 г. перевода этой брошюры безуспешно предлагалась Боркгеймом в 1870 г. основанному Кинкелем еженедельнику «Негmann». Боркгейм писал в редакцию: «Если вы захотите принять рукопись, то можно будет в качестве введения предпослать ей мою переписку с Серно-Соловьевичем. Было бы желательно разослать в этом случае вашу газету выдающимся немецким деятелям»⁶¹.

Издание брошюры редакцией «Der Volksstaat» с приложением писем А. А. Серно-Соловьевича и примечаниями, написанными им для немецкого издания брошюры, имело, естественно, большое значение для дальнейшего распространения сведений о Чернышевском среди немецкого рабочего класса. Особенно важными были написанные А. А. Серно-Соловьевичем подстрочные примечания о Чернышевском: «Чернышевский—величайший и талантливейший русский публицист. Будучи главным редактором журнала „Современник“, он за направление своих сочинений, составляющих десять толстых томов и печатавшихся только с разрешения цензуры, содержался в течение трех лет в заключении в крепости, а затем был приговорен к каторжным работам в Сибирь, где он находится и по сие время. Во время своего пребывания в крепости он написал социалистический роман „Что делать“?, в котором изложил свое мировоззрение и указал молодежи путь, по которому ей следует идти. Роман этот скоро появится в немецком переводе»⁶².

Сам Боркгейм пользовался каждым случаем, чтобы напомнить в немецкой печати о Чернышевском. Издавая в 1872 г. перевод статьи «Партии и политика в современной России» (статья эта была взята из английского журнала «The North British Review»), он счел необходимым, хотя бы в подстрочном примечании, упомянуть о Чернышевском. Он пишет о русском революционере: «Это был образованный и ученый человек, серьезный мыслитель и отличный критик, как это доказывает его разбор

учения Джона Стюарта Милля. К сожалению, о нем еще так мало знают в Европе, что даже такие люди, как автор переведенной здесь статьи ни одним словом не упоминает о нем. Чернышевский находится в сибирских рудниках, на каторжных работах»⁶³.

Таким образом, еще до того как Маркс и Энгельс выступили в печати с изложением своих взглядов на Чернышевского, их друг Боркгейм позаботился о распространении в немецких рабочих кругах первых сведений о великом сыне русского народа. При этом большая часть его высказываний находится в непосредственной связи с воззрениями на Чернышевского Маркса и Энгельса.

Мы не будем здесь останавливаться на хорошо известных высказываниях Маркса и Энгельса о Чернышевском 1872—1874 гг.⁶⁴ Отметим лишь, что особенно важное значение для дальнейшего, более подробного ознакомления участников немецкого социалистического движения с Чернышевским имело издание немецкого текста «Альянса социалистической демократии и международного товарищества рабочих», в редактировании которого принимали участие Маркс и Энгельс. Это сочинение появилось на немецком языке в 1874 г. в издательстве Браке, в Брауншвейге, под заглавием «Заговор против международной ассоциации рабочих». Именно благодаря этому сочинению немецкие рабочие в первый раз получили более подробные сведения о политической деятельности Чернышевского.

* * *

Из вышеизложенного видно, что благодаря публикациям Маркса, Энгельса и Боркгейма в 1870—1874 гг. у немецких рабочих пробудился интерес к Чернышевскому. Неудивительно поэтому, что в последующие годы немецкая социалистическая печать постоянно давала сведения о Чернышевском.

Подробнее о положении Чернышевского в ссылке немецкая общественность узнала из одной русской корреспонденции, появившейся сначала в «Frankfurter Zeitung», а затем в «Neuer Social-Demokrat» (7 июля 1875 г.) и в «Der Volksstaat» (9 июля 1875 г.) — центральных органах основанной в 1875 г. «Немецкой социалистической партии». «Der Volksstaat» в своей публикации указал на «трогательную мелодраматическую сцену», разграниченную Александром II на курорте Эмс с женой одного ссыльного поляка, сцену, усиленно обсуждавшуюся в печати. Данное редакцией саркастическое название статьи «Милосердный царь» («Der milde Czar») позже стало крылатым словом в немецкой рабочей печати.

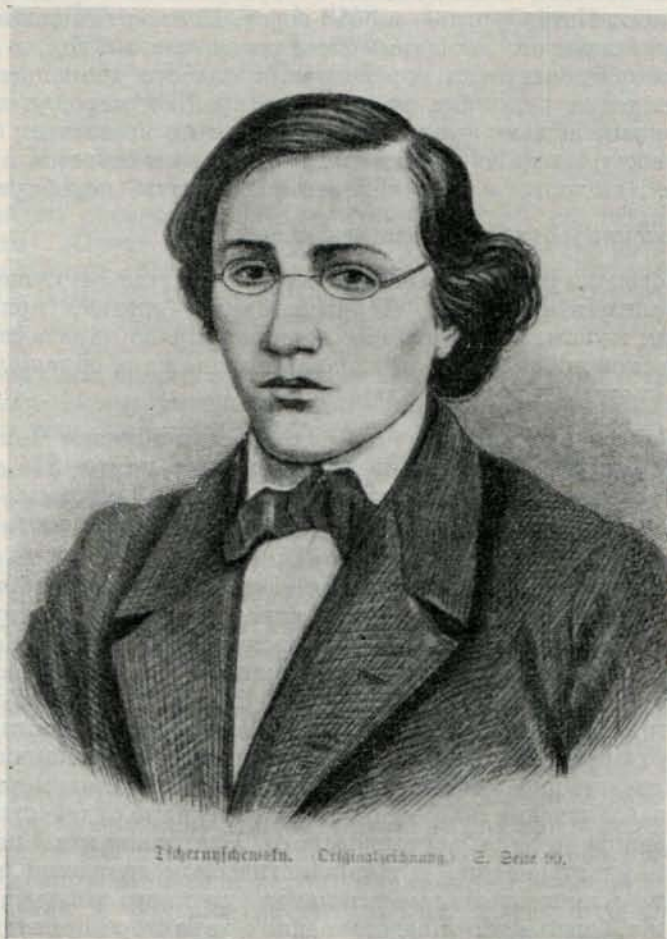
Вот что говорится в этой статье о Чернышевском:

«Отчего бы человеколюбивому царю не озарить, наконец, лучом милосердия участь многострадального *Николая Чернышевского*, которого тщательно обходят при всех амнистиях? Этот влиятельный писатель, талантливый критик и экономист, как известно, был во время польского восстания 1864 г. приговорен к восьми годам каторжных работ на заводах Сибири* за участие в заговоре, зачинщиком, членом и руководителем которого будто бы был *он один*. Однако, вопреки приговору, его направили не на заводы, а на каторжные работы в рудниках, где условия гораздо бо-

* Чернышевский был приговорен Сенатом (приговор утвержден парем 7 апреля 1864.) к каторжным работам в рудниках на четырнадцать лет и затем к поселению в Сибирь навсегда. Александр II срок каторжных работ сократил наполовину.

Информация о Чернышевском в немецкой прессе не могла не заключать в себе отдельных фактических ошибок. Здесь и ниже отмечаются лишь некоторые, грубейшие из них. — *Ред.*

лее суровы. По уставу для ссыльных, приговоренные к каторжным работам проводят в тюрьме только четверть срока, пока они находятся на положении испытуемых, а затем могут жить на собственных квартирах, но обязаны ежедневно являться на работу. Но обычно испытательный срок много короче. Приговоренные к каторжным работам, особенно семейные, часто пользуются этой льготой с самого начала или с того момента,



ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

Портрет, помещенный при статье о нем, в редактировавшемся В. Либкнехтом социал-демократическом журнале «Die neue welt», 1876, № 11

когда у них появляются средства для найма квартиры. В отношении Чернышевского это постановление не применялось, и ему пришлось весь положенный ему срок провести под замком. Далее, по уставу, даже самым тяжелым уголовным преступникам десять месяцев каторжных работ зачитываются за год; Чернышевскому пришлось полностью пробыть на каторге все восемь лет. Его продержали в тюрьме даже несколькими месяцами дольше, под предлогом расследования дела некоего *Лопатина*, подозреваемого в попытке освобождения Чернышевского. После отбытия восьмилетнего срока каторжных работ Чернышевский, по европейским

понятиям, должен был бы получить полную свободу или, по крайней мере, ожидать смягчения своей участи. Вместо этого он был переведен в маленькую тюрьму вблизи Вилюйска, в которой прежде содержались известные Дворжачек и Иосафат Огрызко и единственным обитателем которой становится теперь он. В то время как ссыльным дается даже разрешение на переезд из одного места в другое, Чернышевского на ночь запирают на ключ. Вилюйск находится в Якутской губернии, в городе числится 333 жителя, и он отделен от губернского города расстоянием в 710 верст, а от Петербурга — в 9448 верст. Климат там таков, что охраняющие Чернышевского жандармы сменяются каждый год, и все же этот климат считается достаточно хорошим для слабого здоровьем писателя; если в Нерчинских рудниках он имел, по крайней мере, утешение в общении с живыми людьми (польские товарищи по несчастью; от общения с русскими его тщательно охраняли), то теперь он остается в полнейшем одиночестве. Как долго может человек выдержать подобную жизнь?⁶⁵.

В заключение «Der Volksstaat» замечает:

«Ну не „отец ли родной“ наш „милосердный царь“? И существуют еще *тысячи* русских и польских Чернышевских — людей, приговоренных к ужасающим мукам, за то, что они верили в право народа жить достойной человеческой жизнью и не признавали права царя обращаться с людьми, как со скотом, и мучить их».

Содержащиеся в этом сообщении подробности о жизни Чернышевского явно взяты из статьи Лопатина, помещенной им в марте 1874 г. во втором номере сборника «Вперед», издававшегося П. Лавровым. Некоторые места статьи в «Der Volksstaat» буквально повторяют слова Лопатина⁶⁶.

В заключение этой статьи редакция «Der Volksstaat» сообщала о предстоящем в ближайшем будущем опубликовании писем, полученных из Лондона через посредство газеты «Braunschweiger Volksfreund». Речь идет о двух известных открытых письмах Германа Лопатина редактору «Daily News» (январь 1874 г.) и Александру II (15 мая 1874 г.) по поводу царской амнистии 9 января 1874 г.⁶⁷ «Der Volksstaat» поместил немецкий перевод обоих писем 11 июля 1875 г. Значение этой публикации заключается в разоблачении перед немецким рабочим классом лицемерия царизма, причем это разоблачение было сделано на материале судебного преступления, допущенного в деле Чернышевского. Благодаря этим письмам, широкие круги, участвовавшие в социалистическом движении в Германии, ознакомились с личностью замечательного русского революционера Германа Лопатина. Очень яркое представление о характере Лопатина немецкие рабочие получили позже из статьи в газете «Der Sozialdemokrat» о процессе «двадцати одного» и героическом выступлении Лопатина перед царским судом⁶⁸.

В номере от 31 декабря 1875 г. газета «Der Volksstaat» сообщила об известной попытке освобождения Чернышевского, предпринятой И. Н. Мышкиным, и поместила перевод корреспонденции «Из Иркутска», напечатанной 3(15) декабря 1875 г. в № 23 лавровской эмигрантской газеты «Вперед»⁶⁹.

Рабочая печать сообщала также о революционных демонстрациях в Петербурге, во время которых неоднократно упоминалось имя Чернышевского. Так, 18 июня 1876 г. в «Der Volksstaat» был помещен под заглавием «Социалистическая демонстрация в России» специально для этой газеты написанный волнующий отчет очевидца революционной демонстрации 30 марта 1876 г. на похоронах умершего от тяжелых последствий предварительного заключения студента-революционера П. Ф. Чернышева.

После подробного описания всего происшедшего по пути следования траурной процессии на улицах Петербурга, приводится дословно надгробная речь «неизвестного оратора» (им был студент Медико-хирургической академии, впоследствии видный общественный деятель и врач-психиатр П. П. Викторов):

«Господа! Претерпевший до конца спасен будет. Сейчас мы хороним человека, который претерпел до конца. Мы знаем, что в России началось большое движение. Может быть, это то же движение, за которое еще и по сие время страдает в Сибири наш общий и всем известный великий учитель... Может быть, это то же движение, за которое наша молодежь заполняла и сейчас еще заполняет крепости. Может быть, это то же движение, жертвой которого пал наш бедный товарищ Чернышев. Здесь, рядом, господа, покоятся наши духовные отцы, Белинский и Добролюбов. Я обращаюсь к вам, отцы... Но вы нас не видите и не слышите! И все же, ваши духовные дети приходят сюда после благородных боев, приходят из тюрем, чтобы покоиться рядом с вами... Родина-мать! Слышишь ли, видишь ли ты? Вот твои дети!.. Пусть ты велика, но света у тебя мало! Пусть ты велика, но воздуха у тебя не хватает! И твои лучшие дети задыхаются в тюрьмах, погибают от чахотки... Мир тем, кто претерпел до конца! Мир тебе, товарищ! Пусть память о тебе живет вечно!»⁷⁰

А к словам «наш общий и всем известный великий учитель» редакция делает сноску: «Подразумевается Николай Гаврилович Чернышевский, находящийся в заключении с 1863 г.».

О знаменитой демонстрации 6(18) декабря 1876 г. у Казанского собора в Петербурге рабочая газета «Vorwärts»⁷¹, черпавшая до тех пор сведения об этом событии лишь из тенденциозных, искаженных сообщений официальной русской печати, 31 января 1877 г. поместила корреспонденцию русских революционеров. В корреспонденции говорилось:

В опровержение официальных сообщений, мы заявляем (причем среди подписавшихся имеется один очевидец и участник демонстрации), что выступление это было подготовлено не полицией, а настоящими рабочими-социалистами, испытанными в борьбе против деспотической русской власти, и с помощью примкнувших к революционному движению студентов и курсисток. На основании сообщений участников и очевидцев мы заявляем, что 6/18 декабря перед Казанским собором не было ни «шума», ни «свиста», ни «скандалов», но была произнесена при образцовом порядке речь о современном положении народа и о борьбе за свободу и социализм в России. В этой речи народу напомнили о мучениках борьбы за свободу, назвали и почтили имена дорогих наших товарищей — *Чернышевского, Каракозова и декабристов*. Рабочий, поднявший красное знамя, был не мальчиком (как это врут русские полицейские листки), а взрослым человеком, неоднократно подвергавшимся политическим преследованиям за свои убеждения. Демонстрацию, по мнению участников и по нашему мнению, следует считать чрезвычайно удавшейся, так как она привлекла огромное внимание всего населения, сопровождалась неоднократно выражениями одобрения зрителей и рабочих слушателей и способствовала таким образом распространению наших социалистических идей.

Следует указать еще на одну чрезвычайно важную публикацию. В 1876 г. иллюстрированный социал-демократический журнал «Die Neue Welt», выходивший под редакцией В. Либкнехта, опубликовал (в № 11) портрет Чернышевского вместе со статьей о нем (это, очевидно, та статья, о которой упоминает Тверитинов). В статье Чернышевский характеризуется как «талантливейший писатель», дается краткая биография

его и указывается на то, что публицистическая и политическая деятельность автора «Что делать?» оказала «самое значительное влияние на развитие свободлюбивых идей и научно-критических воззрений в русском обществе».

* * *

Примерно в это же время немецкая общественность впервые ближе познакомилась с литературными трудами Чернышевского. В 1875 г. известный словенский либеральный публицист Фр. Целестин в книге «Россия после отмены крепостного права», изданной на немецком языке, подвергал подробному разбору некоторые произведения Чернышевского, в связи с выходом в свет женеvского издания его сочинений⁷². В 1877 г. немецкий монархист Карл Валькер опубликовал рецензию также на женеvское издание, характеризуя великого революционного демократа как умеренного реформиста и русского Лассалья⁷³.

Самой значительной публикацией, посвященной сочинениям Чернышевского, во второй половине 1870-х годов, было изложение его эстетики в социал-демократической газете «Der Volksstaat» в июне и июле 1876 г. Здесь в девяти номерах на видном месте печаталась большая статья «Упразднение эстетики», передававшая содержание диссертации Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности»⁷⁴. Правда, это была не совсем точная передача мыслей Чернышевского. Речь идет о перепечатке из одной сербской газеты анонимной статьи, автор которой обосновывал свои выводы при помощи аргументов, почерпнутых из своеобразного понимания эстетики Чернышевского Писаревым. Статья начала печататься в «Der Volksstaat» 23 июня 1876 г. и открывалась следующим вступлением:

„Мы предлагаем нашим читателям критику и разбор одного русского сочинения, которое возбудило в России общее внимание. Автор этого сочинения — *Н. Чернышевский*, гениальный русский критик и ученый, который за свои социалистические убеждения томится ныне в сибирских тюрьмах. Это произведение озаглавлено: „Эстетические отношения искусства к действительности“. Русскими писателями по поводу этого сочинения написан ряд статей. Впоследствии сам Чернышевский написал критику на этот свой труд и сделал дальнейшие выводы из своих положений. Поскольку мы считали, что русский писатель Писарев лучше всех резюмировал самую суть теории Чернышевского о прекрасном, мы взяли за основу нашей статьи критику Писарева, дополнив ее взглядами самого Чернышевского и некоторыми нашими соображениями и пояснениями. Надеемся, что наши читатели прочтут эту статью с пользой для себя“.

Таково было предисловие к статье о прекрасном, предпосланное публикации, предназначавшейся для сербского читателя, и которую мы в переводе на немецкий язык предлагаем теперь вниманию читателей „Der Volksstaat“. Мы полагаем, что наши читатели тоже с пользой прочтут статью, так как она, хотя и представляет собой критику на сочинение, не существующее в переводе на немецкий язык, все же являет собой нечто цельное и может рассматриваться как специальное исследование“.

Итак, в введении для сербского читателя перечисляются три элемента, на которых построена данная статья: 1) критика Писарева на диссертацию Чернышевского в качестве основы статьи; 2) критика самого Чернышевского (так сказать авторецензия); 3) собственные высказывания сербского автора⁷⁵.

Однако изучение текста показывает, что дело идет не более как о переводе статьи Писарева «Разрушение эстетики», с незначительными из-

менениями в отдельных местах и добавлением нескольких вставок. В перевод введено несколько цитат из авторецензии Чернышевского без указания источника. Собственные высказывания сербского автора (точнее — переводчика) появились в разделе VII статьи в газете «Der Volksstaat» 7 и 9 июля 1876 г.

Nicolaï Gwewilowitsch Tichernischewsky (l. Seite 93) gehört zu den kühnsten Charakteren und talentvollsten Schriftstellern, welche die russische Literatur der letzten Jahrzehnte aufzuweisen hat. Seine bisher so kurze Thätigkeit auf dem Gebiete der philosophischen, national-ökonomischen und literarischen Kritik, sowie sein politisches Wirken waren von bedeutendstem Einflusse auf die Entwicklung freisinnlicher Ideen und nützlichkeitskritischer Anschauungen in der russischen Gesellschaft. Zu Leiden und unlämten Verfolgungen, denen er wegen seiner Thätigkeit ausgesetzt war und noch ist, sind aber dergestalt, daß sie nur um so wärmere Sympathie für ihn, zugleich mit dem tiefsten Abscheu gegen seine Verfolger in der Brust eines jeden, dem die Freiheit und Wahrheit sein leeres Schall sind, zu werden im Stande sind. Indem wir uns eine ausführliche Lebensskizze Tichernischewsky's, die in Arbeit ist, vorbehalten, wollen wir heute nur ein kurzes curriculum vitae (Lebensabris) bringen. Tichernischewsky ist der Sohn eines ziemlich bemittelten, aber durchaus niederen Kopon (russischer Proffe) und wurde 1829 in Saratow a. d. Wolga geboren. Wie alle Koponsöhne genoss er seine erste Bildung in dem geistlichen Seminare seiner Vaterstadt Saratow. Später kam er nach Petersburg auf die Universität, studierte Philosophie, befaßte sich auch mit Sozialökonomie und Philosophie, und war nach Absolvierung seines Studiums zuerst als Gymnasiallehrer in Saratow, dann noch länger Zeit als Professor an einer Militärschule in Petersburg thätig. Seine literarische Thätigkeit begann im Jahre 1853, wo er in die Redaktion der radikalen Zeitung „Sowremennik“ (Zeitgenosse) trat. Das Blatt kam durch ihn zu einem Aufschwung, wie kein anderes in Rußland weder vorher noch seitdem. Mit eifernem Fleisse, seltener Klarheit, Schärfe und Logik veröffentlichte er jetzt eine Reihe von Arbeiten über Sozialismus, politische Ökonomie, Philosophie, Politik und Literatur. Dieses Wirken brachte ihm die erbittertsten Verfolgungen der Regierung und aller von ihm rücksichtslos in ihrer Hohlheit aufgedeckt haben, denen er längst ein Dorn im Auge war, ein aber auch Alles, was nach Besseren strebte, scharte sich begeistert um ihn. Im Jahre 1862 wurde er plötzlich, nachdem man ihm vergebens auf geistlichem Wege heizukommen versuchte, ohne jeden Vorwand verhaftet und ins Gefängnis geworfen. Zwei lange Jahre schmachtete er in „Untersuchungshaft“, bis er endlich am 1. d. Juni 1864 zu sieben Jahren schwerer Zuchthausarbeit in den sibirischen Bergwerken verurtheilt wurde. Sein Prozeß ist eine Kontroverse, die sich denen der mittelalterlichen Inquisition und der römischen Christenverfolgungen würdig anreicht. Tichernischewsky hat jetzt seine Zuchthausstrafe längst beendet und trotzdem wird er von der russischen Regierung nicht aus den Händen gelassen und irrt ein elendes Leben in einem der entlegensten Winkel Sibiriens — ein lebendig Begrabener. —

СТАТЬЯ О ЧЕРНЫШЕВСКОМ В РЕДАКТИРОВАВШЕМСЯ
В. ЛИБКНЕХТОМ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ ЖУРНАЛЕ
«DIE NEUE WELT», 1876, № 11

Автор статьи не установлен

В литературе указывалось на известную односторонность в понимании Писаревым эстетики Чернышевского. Однако редакция «Der Volksstaat» по недоразумению отождествила все сказанное в перепечатанной ею сербской статье с теорией искусства Чернышевского и снабдила публикацию статьи в номере от 30 июня 1876 г. следующим подстрочным примечанием:

«Мы должны заметить, что ни в коей мере не можем согласиться со всеми высказанными в настоящей статье взглядами, а также с взглядами, высказанными в сочинении знаменитого русского социалиста и борца за свободу, которое было положено в ее основу».

Рассуждение сербского автора в разделе VII весьма напоминает мысли Писарева в его статье «Реалисты». В своих взглядах, особенно в нападках на «чистое искусство», автор очень близок к Чернышевскому. В заключение он приводит дословный отрывок из авторецензии Чернышевского. В целом же статья «Упразднение эстетики» может рассматриваться как искусственная компиляция, которая, несмотря на некоторые преувеличения, могла все же дать немецким рабочим понятие о важнейших эстетических воззрениях Чернышевского.

* * *

Во вторую половину 1870-х годов немецкие социалисты с живой симпатией следили за ростом революционного движения в России. Об этом свидетельствует множество публикаций в немецкой рабочей печати. Так, например, 11 и 16 мая 1877 г. в центральном органе немецкой социал-демократии «Vorwärts» были напечатаны знаменитые речи пропагандистки-народницы С. Бардиной и рабочего-революционера П. Алексева в царском суде. 10 мая 1878 г. в «Vorwärts» было помещено полное революционного пафоса стихотворение Шарлотты Вестфаль, озаглавленное «Восток окрашивается в красный цвет», по поводу покушения В. Засулич на петербургского градоначальника Трепова. О России в этом стихотворении сказано:

Там разгорелась борьба
И ждет от нас приветственного клика...

Эти годы были также годами подъема немецкого рабочего движения. Но немецкое правительство в октябре 1878 г. ответило на усиление социалистического движения позорным «законом против общественно-опасных домогательств социал-демократии», заставив немецкую партию перейти на нелегальное положение. На рабочих обрушился поток клеветы, приди-рок, запретов и полицейских преследований. При этом нападки реакции были направлены не только против идей и программы немецких социалистов, но и против русского революционного движения, к которому немецкие рабочие питали столь горячую симпатию.

В 1879—1880 гг. балтийский немец, монархист К. Н. фон Гербель-Эрмбах (псевдоним: Николай Карлович) выпустил тремя изданиями пасквиль «Развитие нигилизма». Клеветнические измышления против русских революционеров приводят автора к следующим практическим выводам: «На таких фанатиков, — пишет он, — в России слова убеждения бессильны оказать воздействие; к ним применимы лишь средства физического воздействия»⁷⁶. С безудержной яростью нападает Гербель-Эрмбах в особенности на роман Чернышевского «Что делать?», который он характеризует как «плод безумия и омерзительной моральной и душевной развращенности»⁷⁷.

Подобная литературная продукция — она не исчерпывалась одним пасквилом Гербель-Эрмбаха — получала одобрение официальной Германии (а также официальной России). Гербель-Эрмбах сам пишет об этом в предисловии к третьему изданию своей брошюры: «Столь быстрая распродажа двух изданий моей небольшой, скромной книжки явилась для меня полной неожиданностью. Этим непредвиденным успехом я обязан, рад отметить это, — главным образом, доброжелательности, с какой немецкая пресса приняла мое маленькое сочинение. „Norddeutsche Allgemeine Zeitung“ дала на мою книжку рецензию и посвятила ей две большие передовые статьи, „Neue Preussische Kreuz-Zeitung“, „Hamburgischer Correspondent“, немецкая „St. Petersburger Zeitung“ — посвятили ей подробные статьи самого благоприятного содержания. Кроме того, самые лестные отзывы и рецензии были помещены в берлинской газете „Post“, в „Rheinischer Kurier“, „Dresdener Journal“, „Westfälische Zeitung“, „Darmstädter

Zeitung“, „Breslauer Zeitung“, „Schlesische Presse“, „Württembergische Landeszeitung“, „Mecklenburgische Anzeigen“ и во многих других газетах, которые я в виду их отрадной для меня многочисленности не могу здесь привести.

Я очень далек от того, чтобы приписать этот успех собственным моим заслугам; в выпавшем на мою долю одобрении я вижу благожелательную оценку моих добрых намерений, доказательство сочувствия к моим стараниям дать ясное представление о развитии разрушительных тенденций в России, вплоть до самых их диких проявлений. В таком именно духе усиленно рекомендовали мой труд своим читателям русские газеты — орган Каткова „Московские ведомости“, посвятивший моей брошюре две большие статьи, и петербургский еженедельник „Отголоски“, подвергший ее подробному разбору»⁷⁸.

В противоположность этому немецкая рабочая печать и после выхода исключительного закона неизменно продолжала пропаганду русского освободительного движения. Одним из самых важных мероприятий немецкой социал-демократии в то время было создание нелегального центрального органа, газеты „Der Sozialdemokrat“, издававшейся сначала в Швейцарии (1879—1888), а затем в Лондоне (1888—1890) и тайно ввозимой в Германию в тысячах экземпляров.

Энгельс, принимавший личное участие в руководстве газетой, характеризовал ее следующими словами: „Sozialdemokrat“ был воплощением этой незаконности. Для него не существовало ни обязательной имперской конституции, ни имперского уголовного уложения, ни прусского местного права. Противозаконно, назло всем имперским и местным законам, проникал он каждую неделю через границы священной Германской империи; сыщики, шпионы, провокаторы, таможенные чиновники, удвоенная и утроенная пограничная стража — все было напрасно; „Sozialdemokrat“ доставлялся подписчикам в срок, чуть ли не с точностью векселя; никакой Стефан* не мог помешать тому, чтобы имперская почта рассылала и доставляла его по назначению. И это — при десяти с лишним тысячах подписчиков в Германии...»⁷⁹.

Энгельс называл „Der Sozialdemokrat“ «знаменем немецкой партии». Благодаря этой газете немецкие рабочие социал-демократы в героический боевой период 1878—1890-х годов продолжали получать сведения о русском революционном движении и о Чернышевском. Особенно живое отражение получили на страницах газеты события периода революционной ситуации 1879—1881 гг., причем постоянно и с выражением глубочайшего уважения произносилось имя Чернышевского.

В начале 1880 г. в Германии распространились слухи о смерти Чернышевского. „Der Sozialdemokrat“ помещает 22 февраля 1880 г. следующий «некролог» великому революционеру (в разделе сообщений из России):

«Снова смерть вырвала из наших рядов благородного, вдохновенного борца за свободу и справедливость — *Николая Чернышевского*. Талантливый публицист, острый критик, он своим могучим пером в течение многих лет направлял общественное мнение и вел за собой все самые прогрессивные элементы русского общества, и с конца 1850-х годов должен быть признан главой научного политического и социального движения в России во всех областях, а также энергичным пропагандистом. Как в деле освобождения крестьян и в женском вопросе, так и во всех политических, философских и экономических вопросах мощное влияние Чернышевского вело общественное мнение по радикальному пути, а вдохновленную им молодежь — по пути социализма.

* Стефан (Stephan), Генрих (1831—1897) — генерал-почтмейстер Германской империи. — Ред.

Само собой разумеется, что правительство не могло долго терпеть подле себя подобного человека, и так как оно законным путем не могло предъявить ему никаких обвинений, то прибегло к путям незаконным. К делу были привлечены подкупленные свидетели, якобы подписанные им прокламации и т. п. — короче говоря, с трудом было составлено обвинение, и через два с половиной года мучительного следствия Чернышевский был приговорен к 14 годам каторжных работ на сибирских рудниках. Какое дело было зверски-жестокому правительству того, что оно вырывало одного из благороднейших сынов России, одного из лучших учителей и вождей из круга его деятельности, отрывало его от научных работ — *c'est la guerre!** А русское правительство ведет войну (подобно многим своим коллегам) против всякого свободного движения, против любого свободного слова. После того как Чернышевский — жертва этого судебного убийства — вынес каторжные работы, его не перевели на вольное поселение, как это было принято в подобных случаях, но отправили пожизненно в жалкую деревню, населенную чукчами, на крайнем северо-востоке Сибири под присмотр двух жандармов и двух казаков. Здесь, полностью отрезанный от мира, от общения с культурными людьми, Чернышевский вел мучительное существование. Два раза отважные социалисты делали попытку его освободить, но, к сожалению, безрезультатно. Теперь смерть избавила его от страданий.

Пусть нашим братьям, русским социалистам, поскорее удастся отомстить за своего великого учителя, осуществив в России порядок, соответствующий духу его учения, духу социализма. В заключение мы рекомендуем товарищам, знающим французский язык, почтить память великого русского социалиста, прочитав во французском переводе два его главных произведения: социальный роман „Что делать?“ и критику на „Политическую экономию“ Милля. В дальнейшем мы дадим более подробный отчет о научном и политическом значении Чернышевского.

Кто был автором этого «некролога» установить не удалось⁸⁰. Две недели спустя, 7 марта 1880 г. в «Der Sozialdemokrat» появилась заметка о ложности сообщения о смерти Чернышевского, основанная на опровержениях, напечатанных в нескольких газетах. Заметка в «Der Sozialdemokrat» комментировала вновь полученные сведения следующими словами: «Как бы то ни было, для мира духовного творчества и работы на пользу общества Чернышевский, во всяком случае, мертв; это самое печальное, и этого одного уже совершенно достаточно, чтобы заставить нас ненавидеть подлую тиранию, превратившую его много лет назад в живого мертвеца и отнявшую у нас даже повод особенно радоваться в том случае, если бы он был еще жив. Ибо не лучше ли быть на самом деле мертвым, чем заживо погребенным без надежды на освобождение?!»

В то время в немецкой рабочей печати, наряду с крылатым словом «милосердный царь», при упоминании имени Чернышевского постоянно повторялось еще одно крылатое слово «*заживо погребенный*» («*Lebendig begraben*»).

6 февраля 1881 г. «Der Sozialdemokrat» перепечатал в переводе на немецкий язык передовую статью из петербургской легальной газеты «Страна» от 15 (27) января 1881 г., в которой приводились подробности, касающиеся ссылки Чернышевского, и ставился вопрос о его амнистии. За эту статью газете было объявлено предостережение. К этой статье были даны комментарии в либеральном духе. В них затушевывался революционный характер воззрений и деятельности Чернышевского. Редакция «Der Sozialdemokrat» сопровождала эти комментарии многозначительным знаком вопроса и снабдила статью следующим примечанием: «Весьма по-

* это война! (франц.).

казательно, что русское правительство в своем безумном страхе перед „свободомыслием“ не нашло лучшего ответа на эту статью, как объявить „Стране“ предостережение. Преступление правительства, совершенное по отношению к человеку, высоко уважаемому, ценимому и любимому и старыми и молодыми, и синими и красными, и социалистами, активно участвующими в борьбе, и кабинетными учеными, это преступление никогда не будет забыто».

Между тем в немецком рабочем движении сознание громадного революционного значения идей Чернышевского укоренилось настолько сильно, что «Der Sozialdemokrat», сообщая о последовавшем вскоре покушении на Александра II, намекнул, что убийство царя явилось как бы искуплением преступления, совершенного по отношению к Чернышевскому. Сообщение о смерти царя («Das Ende Alexanders des Zweiten»), помещенное в «Der Sozialdemokrat» 20 марта 1881 г. (через неделю после покушения), было дано с эпиграфом из «Вильгельма Телля» Шиллера: «Смотрите, дети, как погибает злодей!», причем в качестве одного из величайших злодеяний убитого царя называлась ссылка Чернышевского.

В этой статье о Чернышевском говорится как о символе угнетенного русского духа, «благородном мыслителе», «бледном человеке с высоким челом», которого царь не хотел выпустить на волю. Смерть царя — справедливое возмездие за угнетение благороднейших русских умов. Незвестный автор пишет:

«В своей преступной заносчивости Александр II счел себя вправе распоряжаться не только телом, но и духом многих миллионов людей. Он не оставил без применения ни одного из имевшихся в его распоряжении грозных средств подавления прогрессивного духа своего народа. Разбитый духовно и физически, страдает ныне в отдаленной Восточной Сибири благородный мыслитель Чернышевский, приговоренный в 1864 году к десяти годам* каторжных работ за пропаганду, содержащуюся в его сочинениях, т. е. в публикациях, пропущенных цензурой, и в *одном* ложно приписываемом ему черновике прокламации**. Десять лет прошло, но „милосердный“ царь не освободил бледного человека с высоким челом, а приказал отправить его еще дальше в глубь Сибири, в места, население которых не знает русского языка, и где климат грозит европейцу верной смертью. И сегодня Чернышевский уже умер для науки, если даже он и будет прозябать еще несколько лет.

Судьба Чернышевского показывает на *одном* примере, что делает правительство Александра II со многими тысячами людей».

Одновременно «Der Sozialdemokrat» предостерегал и притеснителей немецкой социал-демократии:

«А вы, называющие себя сильными мира сего, вы, полагающие, что можете насильственными мерами и преследованиями задержать ход мирового исторического развития — *Discite, moniti! Запомните, вы предупреждены!*».

Впрочем, эта позиция по отношению к судьбе, постигшей Александра II, не означала оправдания индивидуального террора. В статье, напечатанной 24 апреля 1881 г. и посвященной памяти казненных «первомартовцев» («In memoriam»), «Der Sozialdemokrat» отмежевывается от террористической тактики народовольцев в следующих выражениях: «Примененные ими средства борьбы — это не наши средства, хотя цели у них и у нас общие. Они подобно нам боролись за устранение всякой экономической эксплуатации и политического гнета, за равенство всех людей.

Поэтому мы и социал-демократия всех стран чтим их память, поэтому их имена навеки останутся неизгладимыми в наших сердцах.

* См. прим. к стр. 172. — *Ред.*

** Имеется в виду прокламация «Барским крестьянам» от их доброжелателей поклон...» (1861 г.). Она действительно была написана Чернышевским. — *Ред.*

* * *

В сентябре того же 1881 г. в Вене на втором заседании конгресса Международного общества литераторов произошел шумный инцидент. Французский писатель Луи Ратисбонн внес предложение обратиться к Александру III с просьбой об освобождении Чернышевского. Предложение было поддержано одной частью собрания и вызвало резкий протест со стороны другой (поляки, француз Бело). В немецкой буржуазной печати появилось несколько более или менее подробных заметок об этом инциденте⁸¹. Самым подробным был отчет, помещенный в либеральной «Vossische Zeitung» от 23 сентября 1881 г., написанный на основании сообщений венской печати.

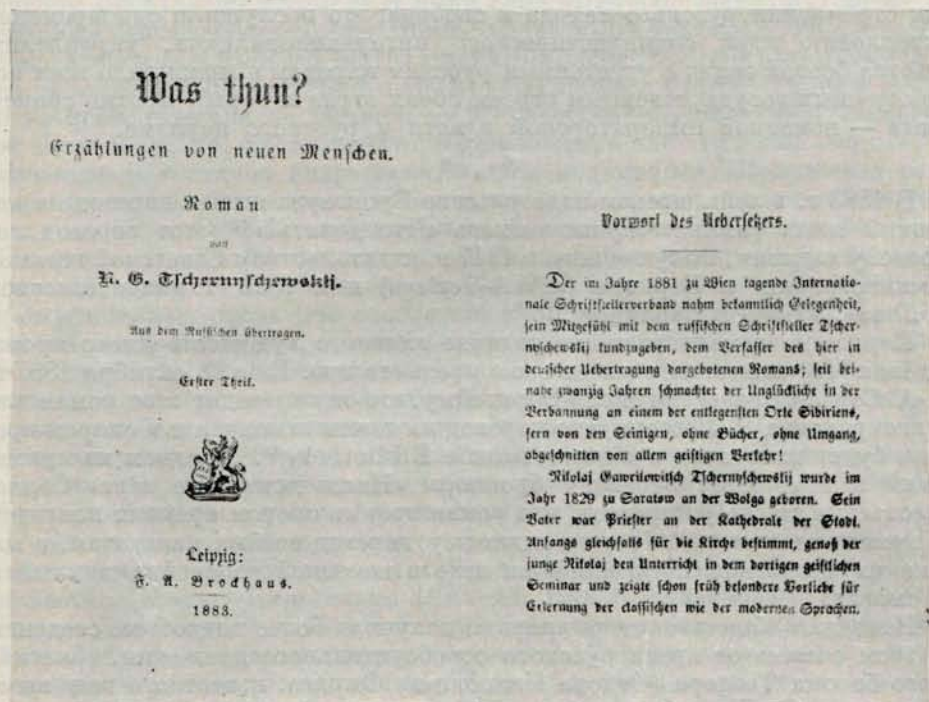
Согласно этому отчету, Ратисбонн поставил свое требование в связь с прениями по поводу защиты духовной собственности. Газета следующими словами передает выступление Ратисбонна: «*Ратисбонн*: Хотя вопрос, который я сейчас поставлю, и не стоит на повестке дня, я все же считаю себя обязанным при обсуждении вопроса о литературной собственности в России обратить внимание на один пункт, а именно на то, что прежде всего следует охранять личную безопасность русских писателей. Я не собираюсь вызывать здесь политической дискуссии, но во имя гуманности хочу побудить представителей интеллектуальной Европы предпринять попытку исправить давнюю несправедливость, вызвавшую в свое время вопль негодования. Дело идет о сосланном 18 лет тому назад в Сибирь русском писателе Чернышевском (*Браво! Браво!*), выдающемся публицисте и гениальном писателе-социалисте типа Прудона. В России писатель, свободно и открыто высказывающий свои взгляды, к сожалению, награждается ссылкой в Сибирь. (*Возгласы одобрения и протеста со стороны русских и поляков*)».

По сообщению «Vossische Zeitung», эти слова вызвали невообразимый шум. И будто бы особенно громко протестовали против предложения Ратисбонна «русские писатели», которые даже «грозили покинуть зал». В действительности, однако, позиция участвовавших в конгрессе трех русских литераторов — В. А. Крылова, Е. де Роберти и С. А. Венгерова — была совершенно иная. Сама инициатива постановки вопроса о Чернышевском на конгрессе принадлежала Е. де Роберти, а когда Ратисбонн внес предложение просить царя об амнистии, оно было единодушно поддержано всеми русскими участниками конгресса. Протестовал же против предложения, вместе с поляками и французом Бело, некто Мишле, полурусский, полуфранцуз, подозрительный делец, самочинно выдававший себя за русского литератора. Случилось, однако, так, что некоторые венские газеты, едва ли не инспирированные Мишле, приписали его позицию представителям России. Правда, клевета была тут же разоблачена. На другой день председатель конгресса Людвиг Ульбах обратился к собранию со следующим заявлением, которое попало в некоторые газеты: «В отчетах венских газет касательно инцидента о Чернышевском <...> находится достойная сожаления ошибка, которую желают исправить представители России: гг. Крылов, Роберти и Венгеров. Наши товарищи из русской прессы были выставлены как будто они протестовали против предложения нашего уважаемого товарища Ратисбонна; они считают необходимым это исправить и объяснить, что они <...> от всего сердца разделяют желание Ратисбонна»⁸².

К сожалению, сделанная поправка осталась незамеченной руководителями «Der Sozialdemokrat». В номере от 29 сентября 1881 г. газета выступила с негодующими обличениями в адрес русских участников конгресса, будто бы отказавшихся из-за «трусости» и «собачьей покорности» поддержать просьбу об амнистии Чернышевскому.

Через год после этих высказываний по поводу инцидента на венском литературном конгрессе «Der Sozialdemokrat» 19 октября 1882 г. поместил еще одно сообщение о положении Чернышевского в Сибири под заголовком «Заживо погребенный». Это сообщение было взято из выходившей в Женеве «либерально-революционной» (формулировка «Der Sozialdemokrat») газеты «Der Baltische Föderalist».

На эту публикацию указывает в своей библиографии М. Н. Чернышевский. Он пишет, что венская газета «Neue Freie Presse» 3 октября 1882 г.



ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ «ЧТО ДЕЛАТЬ?» ЧЕРНЫШЕВСКОГО НА НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ.
ЛЕЙПЦИГ, 1883

Титульный лист и первая страница книги с предисловием переводчика

обратила внимание на корреспонденцию о Чернышевском, появившуюся в «Der Baltische Föderalist»⁸³. Однако до сих пор более точных сведений об этой публикации не имелось. Между тем речь идет не о чем другом, как о корреспонденции «Из Якутской области», помещенной в вышедшем в Лондоне в 1882 г. сборнике «На родине»⁸⁴, на что указывает следующее (взятое, вероятно, из газеты «Der Baltische Föderalist») подстрочное примечание в «Der Sozialdemokrat»: «Во втором выпуске изданной партией террористов брошюры „На родине“ (на русском языке), стр. 70. Лондон 1882 г.».

Согласно перепечатке в газете «Der Sozialdemokrat»⁸⁵ сообщение в «Der Baltische Föderalist» начинается словами: «Мы очень рады сообщить нашим читателям, что столь часто распространявшиеся слухи о смерти Чернышевского могут быть нами опровергнуты на основании полученной из Сибири корреспонденции, которую мы и предлагаем их вниманию».

Это сообщение вновь напоминало немецким рабочим о значении Чернышевского. Его характеризуют как «сияющий светоч науки», и в конце статьи немецкие пролетарии могли прочесть следующее: «Он пользуется

в городе* всеобщим уважением, и население считает его даже святым; само собой разумеется, это происходит не потому, что кто-нибудь может оценить его научные или общественные заслуги, нет, его уважают просто за ум, за редкую человечность, за подлинно аскетический образ жизни и за стойкость, с которой он несет свой тяжелый крест.

Таким образом, публикации в «Der Sozialdemokrat» значительно способствовали укреплению в немецком рабочем классе представления о величии и духовном значении мученика русского освободительного движения. Имя Чернышевского стало символом угнетенного русского духа и символом стремления русского народа к свободе; это послужило одновременно укреплению идей социалистического интернационализма, укреплению чувства боевой связи с угнетенным русским народом и призывало всех поработанных государственным строем обеих стран к борьбе против общего врага — немецкой императорской власти и русского царизма.

* * *

В 1883 г. в лейпцигском издательстве Брокгауза вышел перевод на немецкий язык романа Чернышевского «Что делать?»⁸⁶ Этот перевод лег в основу издания, выпущенного в 1947 г. издательством Советской военной администрации в Берлине («SWA-Verlag») и в 1952 г. издательством «Aufbau», также в Берлине⁸⁷.

Первое на немецком языке издание главного художественного произведения Чернышевского имеет свою предысторию. Еще 18 октября 1867 г. А. А. Серно-Соловьевич писал Боркгейму, что он переводит этот роман для книгопродавца Р. Лессера, что перевод им почти закончен и в скором времени будет напечатан в «Internationale Bibliothek»⁸⁸. В одном из примечаний к немецкому переводу брошюры «Наши домашние дела» Серно-Соловьевич также упоминает, что роман этот «в скором времени появится на немецком языке»⁸⁹. Но, по-видимому, перевод не был напечатан, и мы никаких дальнейших указаний на него в немецкой рабочей печати найти не смогли.

Немецкая общественность впервые получила более подробные сведения об этом романе от врага русского освободительного движения, балтийского барона Теодора (Федора Ивановича) Фиркса, известного под псевдонимом Д. К. Шедо-Ферроти, чиновника русской государственной службы. В 1871 г. он опубликовал на немецком языке клеветническую статью против романа «Что делать?» в журнале «Глобус» и там же напечатал несколько отрывков из романа⁹⁰. Он характеризует это произведение как слабый и непристойный роман, в котором проповедуется упразднение всех законов и абсолютная анархическая свобода. В 1872 г. в журнале «Magazin für die Literatur des Auslandes» появилась рецензия на эту статью Шедо-Ферроти, в которой автор писал: «Хотя нам этот роман тоже известен не полностью, а лишь в выдержках, приводимых господином критиком, мы должны признать, что если когда-нибудь цензурный запрет был оправдан, то именно в этом случае и что в странах, где подобных запретов не существует, они должны были бы быть введены специально для этой книги»⁹¹. Так представила реакция в начале 1870-х годов немецкой публике бесмертное произведение русского мыслителя.

Существенные сведения о романе Чернышевского мы в первый раз находим у Селестина, в его упомянутой уже выше книге «Россия после отмены крепостного права»⁹². Правда, и Селестин не уделяет внимания главному в романе, например образу Рахметова и социалистическим прозрениям будущего в четвертом сне Веры Павловны.

Немецкая буржуазная общественность 1870-х годов не могла уже больше обходить молчанием гениальное произведение. В третьем издании

* В Виллюксе. В корреспонденции ошибочно назван Верхнеколымск. — *Ред.*

«Энциклопедического словаря» Мейера, вышедшем в 1878 г., можно прочесть о романе Чернышевского следующее: «Отличающийся сильным нигилистическим уклоном, роман производит неприятное впечатление и носит чисто социалистический характер. Со временем, когда страсти утихнут и станет возможной более беспристрастная критика, мастерское изображение новых общественных и государственных отношений, рисующихся героине в ее снах, позволит причислить этот роман к таким произведениям как „Утопия“ Т. Мора»⁹³.

В 1882 г., то есть за год до выхода немецкого перевода романа, в издаваемом Брокгаузом журнале «Unsere Zeit» было напечатано подробное изложение его содержания, сделанное Рафаэлем Лёвенфельдом, впоследствии основателем берлинского театра имени Шиллера⁹⁴. Лёвенфельд ссылается на публикацию Шедо-Ферроти 1871 г. в «Глобусе» и приводит по ее тексту некоторые отрывки из романа, но до известной степени отмежевывается от Шедо-Ферроти, характеризую его изложение как тенденциозно преувеличенное и частично извращающее идеи подлинника. Лёвенфельд передает довольно обстоятельно содержание романа, некоторые диалоги приводятся им дословно, особенно подробно изложен четвертый сон Веры Павловны. Однако автор также не усвоил идейное содержание произведения и приходит к выводам, сделанным явно под влиянием Шедо-Ферроти и ему подобных писак (это относится, например, к характеристике образа жизни Веры Павловны, будто бы «обусловленного безудержной чувственностью» и т. п.)⁹⁵. Кроме изложения «Что делать?», Лёвенфельд дает довольно хорошее описание жизни Чернышевского⁹⁶. В заключение он упоминает о прошлогоднем инциденте на венском литературном конгрессе и замечает, имея в виду расправу самодержавия с Чернышевским: «Господа писатели справедливо протестовали против варварских способов борьбы насильственными мерами с образом мыслей людей»⁹⁷.

На выход романа первыми откликнулись критики из буржуазно-либеральных газет. Мюнхенская «Allgemeine Zeitung» 26 октября 1883 г. поместила статью Вильгельма Генкеля. Как и Лёвенфельд, Генкель не видит художественных достоинств романа и враждебен пропагандируемым в «Что делать?» социалистическим идеалам. «Теории эти не новы, — пишет Генкель, — уже Оуэн, Сен-Симон, Фурье проповедовали нечто подобное. Серьезная наука переросла эти теории, и они имеют теперь историческое и теоретическое значение, практически же они невыполнимы»⁹⁸. Но в выступлении Генкеля была и своя ценная сторона. Он подчеркивал, хотя и с буржуазно-либеральных позиций, революционность идейного содержания и пропагандистское значение романа. Он писал: «Читатель, который возьмет в руки только что вышедший в немецком переводе роман Чернышевского „Что делать?“ с намерением развлечься или доставить себе поэтическое наслаждение, такой читатель будет разочарован. Этот так называемый роман никак не является развлекательной литературой, он требует сосредоточенного внимания и изучения. Фабула составляет только рамку для основного содержания, она проста и имеет второстепенное значение. Главное значение имеют развиваемые автором социально-политические теории».

И в другом месте: «Именно это произведение с его незамаскированными поучениями оказало громадное влияние на молодежь шестидесятых годов, и практические следствия этих теорий не долго заставили себя ждать».

Под «практическими следствиями» Генкель подразумевает не организацию швейных мастерских и подобных им предприятий с целью эмансипации женщин в России, но прежде всего борьбу русских революционеров против царской власти.

В качестве главного героя романа — об остальных автор вообще не упоминает — Генкель называет революционера Рахметова, которого

характеризует как «идеал нигилиста». Генкель понял все значение этой фигуры. Он дает правильное описание характера и поведения Рахметова и в заключение пишет: «Таков герой Чернышевского, подобную личность он предлагает молодежи в качестве образца. Можно себе представить, на что были бы способны подобные люди — если бы таковые существовали. Естественно, что этот идеал недостижим, но то, что есть люди, идущие по этому пути, нам известно из материалов судебных процессов последних лет».

Такая информация о содержании романа должна была несомненно отпугнуть от него буржуазного читателя. Зато демократически настроенный немецкий читатель мог из рецензии Генкеля понять, что роман Чернышевского представляет собой произведение стойкого революционера и что оно богато прогрессивными идеями.

В «Allgemeine Zeitung» 22 ноября 1883 г. и в органе немецкого союза писателей «Magazin für die Litteratur des In- und Auslandes» за 1884 г.⁹⁹ мы встречаем отзывы и двух других критиков. Обе статьи слабы; авторы их с буржуазной точки зрения выступают против идейного содержания романа.

И здесь немецкому рабочему движению оставалось сказать последнее слово. Как уже указано Н. В. Спижарской, в 1885 г. один из основателей и виднейших деятелей германской социал-демократии Август Бебель опубликовал в социалистическом журнале «Die Neue Zeit» свою статью о романе «Что делать?» под названием «Идеалистический роман»¹⁰⁰. Именно он, как никто другой, был призван почтить это произведение Чернышевского, ибо за несколько лет до того, когда роман «Что делать?» — эта «Песнь песней» освобождения женщины в социалистическом обществе — появился на немецком языке, Бебель выпустил свой монументальный труд «Женщина и социализм» (1879).

В условиях, созданных законом против социалистов, Бебель был вынужден напечатать свою статью о «Что делать?» в *легальном* немецком журнале. Этим объясняется некоторая сдержанность в разборе наиболее революционных страниц романа. Так, например, Рахметов упоминается только среди эпизодических фигур, и Бебель особенно его не выделяет.

Независимо от этого, — как отмечает Н. В. Спижарская в своей статье о рецензии Бебеля, — в эстетически-художественной оценке «Что делать?» имеются и некоторые слабые стороны. Очевидно, Бебель не постигает полностью хитросплетения «эзопова языка» Чернышевского. Особенно это заметно в оценке образа Рахметова. Столь же спорными являются теоретические рассуждения Бебеля о противоположности романа «реалистического» роману «идеалистическому».

С другой стороны, Бебель правильно критикует рассуждения Чернышевского о «разумном эгоизме», которые кажутся ему не до конца продуманными с философской точки зрения, и утопические элементы романа. В этой критике ясно обнаруживается приверженец научного социализма, который не мог полностью признать теорию морали, построенную на антропологизме, а также утопические картины будущего по Фурье.

Но основным для Бебеля является боевая, прогрессивная тенденция романа, и он полагает, что эта книга воодушевит многих на борьбу за социализм.

Приводим полностью текст статьи Бебеля:

ИДЕАЛИСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Реалистическое направление современной литературы органически связано с позитивным духом нашего времени. Тот, кто запечатлевает типические черты внешней и внутренней жизни современного человека, всегда поучителен, а поэтому интересен и полезен. Даже карикатура на

это направление — манера Золя, механически копирующая каждую деталь как значительную, так и незначительную, — подобно разрозненному исследованию частных явлений в естественных науках, — даже эта манера имеет достоинство научной точности. Золя во многих своих произведениях дает материал для обобщенного представления об окружающей его среде; другие писатели умеющие лучше отделять существенное от несущественного, дают и самое обобщение. Таков, например, Тургенев в «Нови», где он показывает все современное ему русское общество. Но оба они реалисты.

Однако такое направление — реалистическое направление — не является единственно возможным. Можно себе представить автора, который делает не копию, а создает образец, и который хочет изобразить не существующее, а идеальное состояние. А чем строже будет он при этом держаться в границах возможного, чем яснее показывать пути, ведущие от действительности к идеалу, тем больше будут его заслуги, тем глубже его влияние. Так поступали (не станем приводить менее значительные имена) Руссо и Песталоцци, когда они обращались к форме романа, чтобы раскрыть свои идеи на примерах, дать как бы проекцию этих идей на действительность.

Вот в этом смысле и можно назвать идеалистическим одно из произведений современной русской литературы, которой вообще больше, чем всякой другой, свойственно изображение резко очерченных характеров, а именно роман многострадального Чернышевского «Что делать? Из рассказов о новых людях». Он стал доступен немецким читателям* с 1883 г. благодаря хорошему переводу, изданному Брокгаузом в Лейпциге.

Этот роман появился в свет в 1863 г. Книга Тургенева «Отцы и дети» привела в негодование обе стороны: и «отцов» и «детей». «Дети» были недовольны тем, что их представитель, Базаров, не высказывает ни единой положительной идеи, ограничиваясь исключительно радикальной критикой. Не удовлетворил их и относящийся к тому же времени роман Герцена «Кто виноват?», где проблема — проблема брака — была только поставлена и показаны конфликты, но отсутствовало разрешение, не был указан выход. Один из «детей» в романе Тургенева говорит с наивной нелогичностью: «Мы сила, поэтому мы разрушаем». Чернышевский же хотел сказать: «Мы сила, поэтому мы созидаем». Что надо делать, что созидать — это именно и есть содержание его произведения.

В этом произведении Чернышевский рисует основные черты совершенно нового общественного устройства. Воодушевленный всеми освободительными и свободололюбивыми идеями, он показывает на конкретных примерах, как эти идеи могут преобразующе воздействовать на жизнь. Сами примеры не представляют собой ничего необычайного, они взяты из повседневности; новым и необычным является лишь поведение героев в данных обстоятельствах. А герои, хотя они и «новые», — жизненны, иначе ведь все было бы утопией! — Часть это старье — подлинные цветы, выросшие на русской болотистой общественной почве, часть — новые это идеалисты из среды русской молодежи, озаренные и согретые светом науки; хотя, конечно, различные типы в рамках романа сконцентрированы на более тесном пространстве, чем это бывает в жизни, и, чтобы служить примером, чаще ставятся перед необходимостью принципиальных решений.

Каковы же основные элементы, при помощи которых, по Чернышевскому, должна быть преобразована жизнь? Самых главных из них три: организация труда, женская эмансипация и создание новой морали, основанной

* К сожалению, только обеспеченным читателям. Упомянутое издание стоит не меньше 15 марок. Было бы нетрудно и, по нашему мнению, столь же прибыльно, сколь и похвально, выпустить дешевое издание этого романа для народа. — *Прим. ред.* «Die Neue Zeit».

не на метафизике, а на опыте. Действие этих элементов раскрывается в романе в рамках следующей фабулы:

Петербургский студент, по имени Лопухов, один из «новых», ученик Оуэна и Фурье, знакомится с Верой Павловной, дочерью мелкого чиновника, которая, однако, благодаря «усердию» своей матери, получила более широкое образование, чем девушки ее круга. Он проникается интересом к судьбе Веры и женится на ней, чтобы избавить ее от матери, задумавшей выдать ее замуж против ее воли за богатого развратного пошляка, сына их домовладелицы. Лопухов работает в какой-то конторе и занимается переводами, Вера дает уроки музыки и основывает швейную мастерскую, которую она организует так, что каждая работница полностью получает свою долю прибыли, и у девушек складывается разумная и дружная совместная жизнь. Супруги живут сначала друг с другом как брат и сестра, лишь позже — в действительном браке. Вскоре, однако, Вера, которая только теперь развилась в самостоятельную личность, замечает, что хотя она и испытывает уважение и благодарность к своему мужу, но не подходит к нему, потому что их натуры слишком различны; он, например, любит одиночество, а она — общество. Гораздо больше гармонирует с ней Кирсанов, друг ее мужа, профессор медицины, испытывающий к Вере сначала неразделенную склонность, на которую она потом отвечает. Оба борются с этим чувством, но, наконец, Вера вынуждена, чтобы быть честной, сказать о нем своему мужу, который считает противоестественной дальнейшую борьбу: «подавление желания убивает жизнь»; расторжение брака является для него, следовательно, необходимым, хотя и не безболезненным выходом. Чтоб осуществить это решение, он на некоторое время сходит со сцены под предлогом, что хочет поехать в Рязань навестить свою мать, сам же простреливает на Невском мосту свою фуражку и исчезает. Вера в отчаянии, ибо она, как и другие непосвященные, считает, что он действительно застрелился, но вскоре по неопровержимым признакам она убеждается, что он жив. Тогда она выходит замуж за Кирсанова, будучи уверенной, что таково желание Лопухова. Последний появляется затем вновь под вымышленным именем американца Бьюмонта, женится на Кате Полозовой, подруге Веры, и раскрывает, наконец, свое инкогнито. Между обеими супружескими парами завязываются дружеские отношения. Вера счастлива, под руководством своего мужа она начинает изучать латынь и медицину.

Легко заметить, что проблема брака, как и у Герцена («Кто виноват?»), выступает здесь на первый план, она образует основу действия; но, по меньшей мере, так же важны и так же тщательно разработаны эпизоды, посвященные вопросам организации труда и позитивной морали. Первая из этих проблем раскрывается в подробном описании устройства швейной мастерской, последняя же служит предметом обсуждения друзей во время их бесед, причем они пытаются свести все моральные поступки к «эгоизму». Эпизодичны, но все же существенны для общей картины разнообразные характерные типы среди второстепенных персонажей, в особенности мать Веры, женщина из народа, умная и энергичная, но нечестная, ибо она видит, что только нечестность ведет к благополучию при существующем устройстве мира; Серж, слабый, но добродушный офицер, раб своей любовницы, француженки Жюли, которая также являет собою сочетание нравственного пафоса, легкомыслия и сентиментальности; далее, из «новых» — Рахметов, «ригорист», потомок татарского княжеского рода, но всеми фибрами души друг народа, посвятивший всю жизнь служению своей идее, отдающий свое состояние бедным студентам; он не позволяет себе никогда никаких излишеств, ни в поступках, ни в словах, ни в еде и хочет пользоваться только тем, что доступно народу, потому, наслаждаясь курением, всегда испытывает душевные муки и укоры совести;

[illegible]

Ein idealistischer Roman.

[illegible]

erhaltenen ihn, aus jedem auch die besten
Lebenszeiten. Aber hier in einem so
einen ersten Mann platonischer
als im Leben, und werden die Selbst
haben oft länger vor uns, als die
hervorgehen.

Einmal hat die Gerechtigkeit, das
moder und Tugendmännlichkeit, das
erhöhten werden soll. Man findet in
Beziehungen der Kunst: die Gerechtigkeit
bei den Tugenden, die Gerechtigkeit bei
unselbst Gerechtigkeit, die Gerechtigkeit
einer ersten, nicht auf Unselbst, sondern
als Erklärung der ersten Moral. Die
Erklärung dieser Gerechtigkeit liegt in
dem folgenden Absatz:

[illegible][illegible][illegible][illegible][illegible]

проститутка Крюкова, нравственное спасение которой Кирсановым, действительно, образец «практического христианства»; упомянутая уже Катя; молодой священник Мерцалов со своей женой, стоящие как бы посредине между старым и новым, дама в трауре, которая, по-видимому, — хотя из туманного конца романа это не вполне ясно, — вопреки всему, все же выходит замуж за Рахметова, и так далее. Но жемчужиной среди всех эпизодов представляется мне сравнительная характеристика любви в различные исторические эпохи, облеченная в форму снов Веры. Это сравнение, пожалуй, лучшее, что XIX век до сих пор сказал о любви.

Разумеется, это произведение — первый опыт автора в области художественного творчества — не лишено значительных недостатков и в форме, и в содержании*. Изложению не хватает перспективы, некоторые второстепенные эпизоды расположены не соответственно своему значению, их следовало бы отодвинуть на задний план, они же стоят на одной линии с главным действием. Рассуждения об эгоизме часто растянуты и не дают в итоге новых моральных выводов. Там, где Чернышевский должен объяснить, как же из эгоистической природы человека возникают самоотверженные, «благородные» поступки, он попадает в замкнутый круг; он говорит, что «благородно» поступать — это значит поступать как человек — не как Иван или Петр, но как каждый, кто бы он ни был, поступать должен; как будто эгоизм не является таким же свойством «человеческим». Очевидно, здесь сказался недостаток философского образования. Что же касается содержания, то часто испытываешь чувство, что автор скорее перепрыгивает через трудности, противостоящие его идеалам, чем преодолевает их. Швейная мастерская, например, вырастает, как гриб из земли. Идеальный брак Веры и Кирсанова не отягощен заботами о воспитании детей. С другой стороны, сны Веры содержат картину будущего, явно родственную фурьеристскому фаланстеру и переходящую в утопию.

Но все это не может омрачить наслаждения романом в целом. Благородная, свежая струя жизнерадостности и любви к людям, смелая правдивость захватывают беспристрастного, непредубежденного читателя. Такой читатель извлечет для себя из чтения и много отдельных замечаний, сохранит их навсегда и обогатит ими сокровищницу своей жизненной мудрости.

Можно надеяться также, что книга многих воодушевит сделать что-либо со своей стороны, чтобы идеалы, нарисованные Чернышевским, стали не обманчивой Фата-Морганой, а предвосхищенной им счастливой действительностью.

Б(е б е л ь)

Вслед за Августом Бебелем и знаменитая немецкая революционерка, передовой боец социалистического женского движения, Клара Цеткин указала в 1888 г. на выдающееся значение романа «Что делать?» в журнале «Die Neue Zeit». Она пишет, что русское женское движение получило благодаря этому роману «новый, мощный импульс». Книга эта, по ее словам, «стала альфой и омегой русской молодежи, путеводной звездой, за которой следовало целое поколение, принадлежащее к самым великодушным поколениям всех времен»¹⁰¹.

* Не следует забывать, что Чернышевский писал роман в русской тюрьме и что он избрал форму романа прежде всего потому, что только так мог распространять свои идеи из тюремной камеры. Отсюда и многие неясности романа, которые вытекают не из неясности мыслей автора, а из его стремления ввести своих тюремщиков в заблуждение относительно характера книги, что ему вполне удалось. — Прим. ред. «Die Neue Zeit».

В 1890 г. роман появился у Брокгауза вторым изданием, а в 1892 г. печатался в иллюстрированной газете «Die Neue Welt» (перевели роман Эмма Адлер и Берта Браун). Н. В. Спижарская, первая обратившая внимание на обнародование этого великого произведения в немецкой рабочей печати, пишет: «По-видимому, данный перевод был тем массовым изданием, о необходимости которого редакция журнала „Die Neue Zeit“ говорила еще в 1885 г. в примечании к статье Бебеля».

Социалисты старшего поколения, как, например, известный ветеран немецкого рабочего движения Герман Дункер, утверждают, что роман «Что делать?» вплоть до конца XIX столетия имел большое влияние на немецкое рабочее движение.

* * *

Когда в начале ноября 1889 г. было получено известие о смерти Чернышевского, сразу обнаружилось, как возросло уважение к мученику русской революции: не только рабочие, но и некоторые буржуазно-либеральные газеты опубликовали пространные некрологи.

Уже через несколько дней после кончины Чернышевского, 2 ноября 1889 г. в редактируемой Францем Мерингом «Volkszeitung» была помещена следующая заметка:

«Чернышевский, известный писатель-социалист, недавно вернувшийся из ссылки, недолго радовался возвращению на родину и свободе. Три дня тому назад он скончался в своем родном городе Саратове в возрасте 61 года от кровоизлияния. Сибирский климат разрушил, несомненно, его жизненные силы».

Вскоре затем социалистический «Berliner Volksblatt» (ставший после 1890 г. центральным органом немецких социал-демократов под названием «Vorwärts») в номере от 6 ноября 1889 г. напечатал на своих страницах некролог, начинающийся словами: «Как уже сообщалось, 29 октября в полдень скончался в Саратове от внезапного кровоизлияния пользовавшийся в свое время широкой популярностью известный русский писатель Чернышевский, который за свои социалистические идеи был сослан на многие годы в Сибирь».

Анонимный автор рассказывает дальше о деятельности Чернышевского в 1850-е и в начале 1860-х годов. Данные этого автора не всегда точны. Так, например, он пишет, что Чернышевский принимал участие в составлении проекта крестьянской реформы. С другой стороны, он приписывает Чернышевскому авторство знаменитого «Письма из провинции», напечатанного 1 марта 1860 г. в «Колоколе» за подписью «Русский человек». Важно, однако, что в статье «Berliner Volksblatt» настойчиво указывается на связь революционной пропаганды Чернышевского с крестьянским движением. «В скором времени, — писал автор „Письма из провинции“, — и Александр II показал бы себя продолжателем Николая. Надежда — в политике это золотая цепь, которая очень быстро может превратиться в кандалы и т. д. Таким образом, „Колокол“ Герцена должен призывать в России не к обедне, а к бою. 1861 год принес крепостным освобождение, но недовольство продолжало расти и дало, наконец, правительству повод выступить против этого недовольства и его рупора. Среди прочих правительственных мер можно указать на закрытие журнала „Современник“ и арест Чернышевского. Следствие по его делу велось до 1864 г., а затем — хотя его ни в чем преступном уличить не удалось — он был приговорен к 14 годам каторжных работ и сослан в Якутск. Насколько, впрочем, боялись духовного влияния этого человека, видно из того, что по окончании половины срока наказания Государственный совет, по предложению графа Шувалова, отказал „преступнику“ в обычно принятом в таких случаях смягчении его участи».

10 ноября 1889 г. в воскресном приложении к газете «Vossische Zeitung» появился обстоятельный, в три столбца, некролог, написанный Паулем Эрнстом¹⁰², примыкавшим в то время к социалистическому движению (позднее он стал фашистом). В этом некрологе довольно подробно рассказывается о жизни и литературном творчестве Чернышевского. При этом в первый раз в немецкой печати упоминается о «Письмах без адреса», о которых автор, между прочим, говорит: «В 1862 году Чернышевский написал свои „Письма без адреса“. Как и все произведения подобного рода, „Письма“ не были напечатаны, а распространялись в переписанных от руки списках тайно, среди добрых знакомых. Эти письма произвели невероятную сенсацию. Мы в Германии с трудом можем себе представить, каким образом сочинение, распространяемое лишь в рукописном виде, может произвести подобное впечатление; следует, однако, учесть, как мал круг русской интеллигенции и как легко поэтому в России лица одинакового образа мыслей находят друг друга и знакомятся между собой. Эти письма были напечатаны лишь в 1870-х годах в одном нигилистическом органе в Цюрихе*.

В письмах рассматриваются вопросы, связанные с отменой крепостного права, причины реформы, способ ее осуществления и ее последствия; подразумеваемый адресат — это царь».

Некролог подчеркивает также строгую научность работ Чернышевского: «Он издал свой перевод „Политической экономии“ Милля с примечаниями, в которых полемизирует с ним с социалистических позиций. Критика Чернышевского исходит из теории Рикардо и совпадает с выводами Маркса. Маркс сам однажды с большим уважением отозвался о работе Чернышевского, а Маркс был человеком, которого очень трудно было удовлетворить».

Подробно останавливается автор некролога на скандальном процессе, затеянном царским правосудием против Чернышевского.

Ряд других высказываний автора носит явно субъективный характер и резко отличается от воззрений и высказываний о Чернышевском подлинных немецких революционеров социал-демократов. Такова, например, отрицательная оценка романа «Что делать?». Здесь возникает вопрос, не подверглась ли и насколько рукопись некролога переделке в редакции буржуазной газеты. Как бы то ни было, в слабых местах некролога уже чувствуется идеологическая неустойчивость тогдашнего социалиста Пауля Эрнста.

«Allgemeine Zeitung» напечатала 13 ноября 1889 г. анонимный некролог под заглавием «Прародитель русских социал-демократов» («Der Ahnherr der russischen Sozialdemokraten»). И этот некролог также представляет собой смесь достоверных и сильно извращенных фактов. Все же автор его пишет о Чернышевском, как о «главе санктпетербургской социалистически-революционной партии, самом талантливом политико-экономическом публицисте своего отечества» и «ревностном, грозном политическом агитаторе», которого русская столица «многие годы опасалась и уважала как носителя будущего России».

Оба некролога, помещенные в буржуазной печати, явно бледнеют при сравнении с некрологами социалистических органов. Величие Чернышевского получило действительно отражение только в некрологах газет «Der Sozialdemokrat» от 16 ноября 1889 г. и «Berliner Volks-Tribüne» от 23 ноября 1889 г.

Некролог, напечатанный в газете «Der Sozialdemokrat», выходившей в то время в Лондоне, опирается на факты, приведенные в некрологе вен-

* «Письма без адреса» были опубликованы П. Л. Лавровым при содействии Маркса в издании журнала «Вперед» (Цюрих) в 1874 г.— *Ред.*

ской газеты «Arbeiter Zeitung» от 8 ноября 1889 г. Вот почему, хотя этот некролог появился в австрийской рабочей газете и формально не входит в рамки нашей темы, мы сочли нужным на нем остановиться.

Некролог написан в виде письма одного русского социалиста. Письмо начинается следующими словами: «Петербург, 19/31 октября 1889 г. Мы только что получили печальное известие о кончине Николая Гавриловича Чернышевского, последовавшей 17/29 в Саратове. Только сегодня русской печати было дано разрешение сообщить об этом. Цензура, несомненно, приняла меры, чтоб отнять у друзей великого русского социалиста возможность воздать ему последние почести.

Уже вчера в городе циркулировали слухи об этом печальном событии, но поскольку я не был уверен, что они подтвердятся, я воздержался от сообщения их вам. Сегодня сомнений уже нет: мученик побежден самодержавным правительством, он пал жертвой страданий и лишений, которые в течение 27 лет с героическим стоицизмом переносил в снежных пустынях Восточной Сибири, в стране якутов».

О личности и о деятельности Чернышевского в некрологе сказано следующее: «Он был всю свою жизнь тружеником. Человек строгих убеждений, он презирал всякое мелочное признание своих заслуг и целиком отдавался служению идее государственного социализма; он начал свою жизнь и окончил ее, защищая с пером в руке эту идею. Он всегда отличался скромностью и даже не подозревал о своем моральном величии. Им владела только одна мысль — благо родины и развитие социализма; вера его была непоколебима. Ему не важно было, что сам он не увидит того времени, когда Россия сбросит с себя двойное ярмо капитализма и политического рабства: пробуждение народа неизбежно, элементы этого пробуждения уже существуют, и трудом своим он всегда служил делу пролетариата, делу обездоленных».

Итак, на основе этой статьи, посвященной памяти Чернышевского, и был написан большой некролог в газете «Der Sozialdemokrat». Вторая половина венской статьи была передана дословно, а из первой части заимствован ряд высказываний.

В некрологе газеты «Der Sozialdemokrat» еще раз нашло себе выражение глубокое возмущение немецкого рабочего класса преступлением, совершенным по отношению к Чернышевскому. Здесь еще раз срывается с царизма его лицемерная маска.

Образ Чернышевского, противопоставляемый в некрологе царизму, в своем возвышенном величии уподоблялся образу Джордано Бруно, Галилея, Савонароллы. Он представлен олицетворением правды, борющейся против воплощенной в царизме лжи.

Деятельность Чернышевского — особенно в части некролога, взятой из венской газеты, — обрисована как прямолинейный путь непреклонного революционера. «Страх царизма перед влиянием Чернышевского, — цитирует „Sozialdemokrat“ венскую газету, — привел к его преследованию и аресту.

Написанный в тюрьме роман „Что делать?“ все же оказался „подлинной школой социализма“ для русской молодежи. На суде Чернышевский смело заявил о своих республиканских убеждениях и остался непреклонным и в ссылке».

Следует указать, что из некролога в «Sozialdemokrat» немецкие читатели впервые получили ценные сведения о поздних работах Чернышевского, то есть о сочинениях, написанных после возвращения из ссылки. Автор письма привлекает внимание читателей к статьям «О классификации людей по языку» и «Происхождение теории благотворности борьбы за жизнь». Особенный же интерес возбуждает приведенное в некрологе указание



ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ НЕМЕЦКИЙ ЖУРНАЛ «DIE NEUE WELT».
ЗДЕСЬ В 1892 г. ПЕЧАТАЛСЯ ПЕРЕВОД «ЧТО ДЕЛАТЬ?» ЧЕРНЫШЕВСКОГО
Заглавие журнала

бельгийского социалиста де Папа, согласно которому Чернышевский собирался написать критическое исследование о «Капитале».

Характеризуя политические позиции Чернышевского в 1850-е годы, автор некролога называл его борцом за либеральные идеи. Однако дальше говорится, что Чернышевский развивал социалистические идеи. Таким образом, слово «либерализм» употреблено здесь в том широком смысле, в каком оно тогда нередко употреблялось (как противоположность всякой реакции и обскурантизму).

Если же отвлечься от частных деталей, то некролог можно рассматривать, как положительную оценку великого русского революционера и социалиста. Здесь следует подчеркнуть, что в то время одним из редакторов «Sozialdemokrat» был не кто иной как *Фридрих Энгельс*.

Приводим текст некролога из газеты «Sozialdemokrat» полностью:

НИКОЛАЙ ГАВРИЛОВИЧ ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

На основании многолетнего опыта мы стали очень скептически относиться ко всем известиям из России, которые достигают Западной Европы через некоторые газеты. И когда одна из них, «Berliner Tagesblatt», сообщила, что 29 октября в своем родном городе *Саратове* умер великий мыслитель *Николай Чернышевский*, мы сперва не придали этому никакого значения, ожидая подтверждения из других источников. Теперь оно получено и на сей раз из источника, достоверность которого не вызывает сомнений. Самый выдающийся человек, которого выдвинула новая, жаждущая политической свободы и социального прогресса Россия, закончил свой жизненный путь. Подлый царский режим терзал его до самого конца как своими преследованиями, так и своими «милостями». Разумеется, это не простая прония случая, но явление, находящееся в очевидной причинной связи, что всего через несколько недель после того, как мир был поражен известием о *помиловании* Чернышевского русским прави-

тельством, пришла печальная весть о его кончине. Так всегда выглядела царская «милость». Коварный во всех своих действиях, царизм никогда не вызывает большего недоверия к себе, чем когда он якобы совершает акты милосердия. *Искренен* он лишь тогда, когда берет в руки кнут.

И как ему было не питать к Чернышевскому смертельной ненависти? Нет ничего естественнее, — мы чуть не сказали: ничего оправданнее — этой ненависти. Ложь *должна* ненавидеть истину, иначе она перестает быть ложью; реакция должна в каждом прогрессивном стремлении видеть своего *личного* врага, она не может быть объективной. Именно поэтому она во все времена была более жестокой, чем прогресс. Все насилия, которые совершались в ходе освободительных движений, блекнут перед насилиями угнетателей. Борьба за право и свободу облагораживает, борьба за привилегии и обладание властью делает бесчеловечным. Палач ненавидит свою жертву больше, чем она его. Им руководит инстинкт, ею — сознание.

Обстоятельства, при которых последовала смерть Чернышевского, точно еще не известны. В телеграмме сказано, что с ним случился апоплексический удар, когда он просматривал корректуру. Но что предшествовало этому «апоплексическому удару», мы узнаем, конечно, лишь впоследствии.

Как мало можно полагаться на официальные известия из России, показывает уже то обстоятельство, что так называемое полное помилование великого мыслителя на деле свелось к тому, что после двухлетнего пребывания в *ссылке* в крайне нездоровом климате Астрахани ему разрешили переселиться в его родной Саратов. Вероятно, его палачи знали, что он недолго заставит их трепетать перед своим пером. Несмотря на это, они до последнего вздоха держали его под *полицейским надзором*. Чтобы правильно оценить эту величайшую милость — на какую способен царизм, — надо иметь в виду, что наказание, к которому приговорил Чернышев-

Was thun?

Schilderungen neuer Menschen

Heraus von H. G. Erdmannsdorff. Aus dem Russischen überetzt von Emma Adler.

I.

Ein Herr.

(Wachend schlafend.)

Am Morgen des 11. Juli 1886 war die Dienerschaft eines nächst dem Moskauer Bahnhof gelegenen Petersburger Hotels in Zerkow, was zu thun sei, so, wie nur sogar im höchsten Grade aufgeregt. Am Abend vorher war gegen neun Uhr ein Herr mit einem Koffer angekommen, hatte ein Zimmer genommen, seinen Koffer zur Kammerung bei der Bedienung abgegeben, Ihn und ein Kofferblatt beklebt und angeordnet, ihn am Abend nicht weiter zu stören, da er müde sei und sich zur Ruhe begeben wolle; doch sollte man ihn unbedingt morgen um acht Uhr werden, da er sehr dringende Geschäfte habe; hierauf schloß er die Thür ab. Heller und helles Tageslicht, das Ihn erhellte, hörte, dann ward Alles still — offenbar war der Gott eingekerkert.

Der Morgen kam. Um acht Uhr klopfte der Hausdiener an der Thür unserer Herren, doch dieser giebt keinen Laut von sich; der Diener klopft härter, sehr hart — der Herr giebt noch immer keine Antwort; er hat gewiß noch nicht ausgepackt. Der Diener wartet eine Viertelstunde, klopft abermals, doch wiederum vergebens. Er berührt sich mit den Metzgern und dem Bäckereiwirt. „Ich ihm vielleicht gar etwas zu helfen?“ — „Von muß die Thür sprengen.“ — „Nein, das geht nicht; die Thür darf nur im Notfall der Bedienung“

öffnen? Vielleicht hat uns nur ein Betrunkener oder gar ein Schelm gelockt, — hat losgefahren und sich davon gemacht. Ja, vielleicht steht er gar hier mitten unter der bedrängten Menge und lacht über die Unruhe, die er verursacht.“

Doch die Majorität erwies sich, wie immer bei solchen Gelegenheiten, faul und unthätig. Unter der feindlichen Partei trat aber wie immer gleich nach dem Siege eine Spaltung ein. „Gefallen, schon recht, aber warum?“ — „Es war ein Betrunkener“, meinten die Einen von der faulsten Partei. „Aber Einer der sein Geld durchgebracht“, behaupteten die anderen. „Wahrscheinlich“, „Gefallen ein Herr“, sagte Jemand. Diejenige Sprache stimmten Alle bei, selbst diejenigen, welche an einen Schelm nicht glauben wollten. Und in der That, mochte sich ein Betrunkener oder Einer, der sein Geld durchgebracht, erheben haben, aber hatte ein Schelm sich nicht erheben, sondern nur einen Streich gespielt — es war jedenfalls ein dummer, nützlicher Streich.

Dann fädelte der nächste Vorfall auf der Straße ab. Am Morgen stellte sich im Hotel nächst dem Moskauer Bahnhof heraus, daß sein Herr sich ruhig gemacht, sondern doch sich wirklich Jemand erheben habe. Doch blieb bei der ganzen Geschichte ein Punkt, auf den sich sogar die unterlegene Partei einmüthig erklärte, nämlich,

ского в 1864 г. мошенник-судья за набросок листовки, даже не им написанный*, он *отбыл уже двадцать лет тому назад*. Продержав его в Сибири еще 16 лет по истечении срока наказания и даже после этого не освободив его, русское правительство не могло доказать лучше, что это осуждение было лишь предлогом обезвредить человека, который завладел сердцами молодежи. Для преступления, действительно им совершенного, — оно состояло в том, что он внушил молодежи пламенное увлечение всеми современными идеями — не было искупления. Чернышевский был для русского царизма тем же, чем для римского папства Джордано Бруно, Савонаролла, Галилей, — *антихристом*.

Чернышевский родился в 1828 г. и прожил, следовательно, 61 год. Его отец, будучи сам священником, предназначал и сына к духовной карьере, но, не имея к этому никакой склонности, тот отправился в Петербург, чтобы в тамошнем университете продолжить свое образование. Он рано начал заниматься литературным трудом, но довольно долго оставался незамеченным, пока руководители «Современника», журнала, издававшегося знаменитым Некрасовым, не обратили на него внимания и не предложили ему войти в состав редакции журнала. Он согласился и оставался на этом посту до самого ареста в 1863 г.**; этот пост позволил ему развивать свои социалистические идеи и приобрести неслыханное влияние на всю образованную и прогрессивно настроенную Россию.

Россия переживала тогда эпоху либерализма. Но буржуазия была еще далеко не так сильна, чтобы выступить как *класс*; либерализм защищали ее мыслители, ее идеологи, и он оставался свободным от той узости, которую придает либерализм буржуазия, достигшая власти. Народа вообще еще не существовало, его надо было создать, и *отмена крепостного права* была первым необходимым шагом к этому. Она занимала все умы — и крайних энтузиастов свободы, и царское правительство, ибо и ему нужен был *народ*, без которого Россия не могла оставаться или, вернее, не могла стать великой европейской державой.

Приведем теперь несколько строк из некролога, полученного венской «Arbeiter Zeitung» из Петербурга:

«Незадолго до отмены крепостного права он <Чернышевский. — В.Д.> написал ряд работ по аграрному вопросу в России. Все они получили большой отклик, в особенности статья о выкупе крестьянских наделов государством. Хотя слово „социализм“ не встречается в его статьях, они были чисто социалистическими. Правительство казалось тогда исполненным самых благих намерений. Все либеральные и прогрессивные элементы России стремились объединиться вокруг великого дела, которое правительство, в конце концов, обкарнало и испортило, боясь недовольства аристократии, старой опоры трона. Чернышевский несколько раз приглашался для участия в заседаниях „Редакционной комиссии“, разрабатывавшей проект освобождения крестьян и организации крестьянского землевладения. Члены комиссии нуждались в советах человека, посвятившего жизнь изучению социальных проблем.

Но после 1860 г. официальный мир начал опасаться огромного морального влияния политических и социальных идей великого писателя. Естественно, что его заподозрили в участии в заговорах. Однако не нашлось никаких доказательств его вины. Тем не менее, в 1863 г. он был арестован и заключен в Петропавловскую крепость в Петербурге. Там написал он свой знаменитый роман „Что делать?“ В то время реакция далеко еще не достигла той степени, которая характеризует ее сегодня. Роман мог

* Следствию и суду не удалось документально установить авторство Чернышевского по отношению к воззванию «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон...», но в действительности эта прокламация вышла из-под его пера. — *Ред.*

** Чернышевский был арестован 7 июля 1862 г. — *Ред.*

(несомненно с цензурными вычерками) появиться в „Современнике“ и стал истинной школой социализма для русской молодежи.

Процесс Чернышевского шел в Верховном суде*. Доказательств участия подсудимого в революционном движении не было. Спокойно и с достоинством, иронически улыбаясь, отвечал он на вопросы судьи. Когда речь зашла о его политических взглядах, он ответил: „Республиканец!“ Его осудили на 7 лет каторжных работ и по истечении срока продержали еще 20 лет в Сибири!

Так как правительство боялось его влияния на ссыльных, для него велели выстроить особую тюрьму в Вилуйске (в Восточной Сибири, в Якутии). Его единственным обществом были жандармы, не оставлявшие его даже во время его одиноких прогулок**. Окруженный книгами и рукописями, которые даже свирепость русского правительства не осмелилась у него отнять, продолжал он свои труды и сохранил таким образом всю силу своего разума и таланта, несмотря на страдания от пребывания в ссылке в местах, где температура падает до 40—45° ниже нуля по Реомюру. В этой ледяной пустыне он читал Маркса и там написал ряд произведений, которые большей частью еще не могли быть напечатаны.

Два года тому назад ему разрешили вернуться в Россию. Чтобы зарабатывать на жизнь, он берется за перо, которое всегда было его единственным помощником: он работает над переводом „Всеобщей истории“ Вебера, дополняя каждый том статьей в виде предисловия. Одна из этих статей была посвящена языкам различных народов. Убежденный интернационалист, он с свойственным ему остроумием иронизирует над ходячими, поверхностными определениями национальностей, созданными для того, чтобы разъединять народы к великой радости их властителей. Время от времени он печатал, но не имел права подписывать их, статьи в некоторых журналах и газетах. „Современник“ стал теперь библиографической редкостью, даже в библиотеках запрещено выдавать его пубlique. В этом журнале опубликованы важнейшие труды Чернышевского: его перевод „Политической экономии“ Дж. Ст. Милля с примечаниями, которые сами по себе занимают целый том; большая работа о Лессинге, о Июльской монархии, серия статей по аграрному вопросу в России, о русской сельской общине, многие полемические и критические статьи, его роман „Что делать?“ и т. д. и т. д.*.

Работы Чернышевского после его возвращения из ссылки появлялись под псевдонимом *Андреев*. Многие из них были опубликованы в журнале „Русская мысль“. Напечатанная в этом журнале статья „Против дарвинизма“ за подписью „Старый трансформист“, по утверждению Цезаря де Папа, тоже принадлежит Чернышевскому. «Как показывает самое заглавие,— пишет де Пап в „Peuple“,— Чернышевский никоим образом не нападает на учение о развитии видов (на трансформизм), напротив, он приводит новые аргументы в его пользу, но он оспаривает теории, с помощью которых Дарвин объясняет изменение видов и в особенности господствующую роль, которую великий английский естествоиспытатель приписывает естественному отбору и борьбе за существование». Далее де Пап пишет, что его уверяли, будто Чернышевский давно хотел обнародовать критическое исследование о *Карле Марксе* и «Капитале» и только из боязни, что цензура слишком исковеркает это исследование, до сих пор не выполнил своего намерения. Если сказанное де Папом подтвердится, мы можем только пожелать, чтобы те, в чьи руки попадет литературное

* Имеется в виду Сенат.— *Ред.*

** Чернышевский сам сказал однажды, рассказывая о своей уединенной, для него лишь выстроенной тюрьме, что его единственным обществом были жандармы и волки, но что он предпочитал последних: они были человечнее.— *Прим. автора некролога.*

наследство Чернышевского, поторопились бы с опубликованием упомянутой работы. Что думал Маркс о Чернышевском, явствует из следующей фразы в его послесловии к «Капиталу»: «Это — банкротство „буржуазной“ политической экономии, как мастерски выяснил уже в своих „Очерках политической экономии по Миллю“ великий русский ученый и критик Н. Чернышевский»¹⁰³.

Кроме того, в труде Маркса «Заговор против Интернационала» в разделах «Альянс в России» и «Приложение к Альянсу в России» читатель найдет материал о деятельности Чернышевского и о расхождениях между ним и Бакуниным. Сейчас еще немногим известно, что Бакунин начал свою агитационную деятельность среди русской молодежи с нападок на Чернышевского, который не только не был панславистом, но и не видел идеал совершенства в невежественном русском крестьянине. Чернышевский революционизировал русскую молодежь, способствуя пониманию молодежью социальных условий, в то время как Бакунин питал ее иллюзиями, чтобы завоевать для проповедуемого им анархизма.

Здесь не место подробнее рассматривать эти расхождения, равным образом мы вынуждены сейчас отказаться и от более детального изложения научных идей Чернышевского. Для этого впоследствии еще представится случай. Теперь же мы хотим еще раз предоставить слово автору цитированной выше статьи, который рисует облик Чернышевского в следующих словах:

«Глубина мысли, оригинальность и простота выражений, широкая образованность, превосходное знание иностранных языков и иностранной литературы, социалистические убеждения и непоколебимая вера в лучшее будущее России, полнейшее отсутствие шовинизма, сочетающееся с глубокой, страстной любовью к родине, спокойная энергия, неоспоримое мужество, ни малейшего тщеславия, ни малейшей суетности, искренняя скромность и простота в словах и поступках. Эти качества характеризуют того, кого оплакивает вся социалистическая Россия, чьи заслуги не оспариваются даже его противниками и чье имя навсегда останется тесно связанным с историей развития социализма и идей вольности и свободы в России. Для него, как и для всех находившихся под его влиянием, политические проблемы тесно связаны с социальными. Целью всякой деятельности должно быть всеобщее благо, торжество дела труда и свободы, борьба против угнетения и угнетателей и союз всех социалистических сил.

Деятельность Чернышевского была прологом того движения, которое спасет Россию и рано или поздно приведет ее к освобождению».

Мы надеемся, что вскоре сможем познакомить наших читателей с несколькими отрывками из произведений великого мыслителя¹⁰⁴.

Оценка Чернышевского, как борца за социализм, дана и в некрологе, появившемся 23 ноября 1889 г. в социалистической «Berliner Volks-Tribüne». Приводим дословно и этот некролог, являющийся перепечаткой некролога из «New Yorker Volkszeitung».

ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

«New Yorker Volkszeitung» посвящает покойному писателю следующие прощальные строки:

«Ушел от нас еще один великий мыслитель, погас еще один светоч на тернистом пути к возрождению человечества: скончался Чернышевский!

Далеко за пределами его родины, куда бы ни занесла электрическая искра эту печальную весть, всюду, где найдется сердце, болеющее за судьбы человечества, эта весть будет воспринята с чувством глубокой печали, как незаменимая утрата.

В том и заключается своеобразие и могущество идеи социализма, что ее передовые борцы, независимо от страны, в которой они родились, в своем творчестве принадлежат всему человечеству.

Может ли существовать более убедительный пример этому, чем жизнь и деятельность Чернышевского?

Он родился вдалекой „загадочной России“, в те времена, когда цивилизованный мир едва только начал замечать, что существует русская литература и даже русская наука, и провел недолгие годы своей общественной деятельности у себя на родине. Он никогда не был за ее пределами*, никогда не выпускал своих сочинений ни на каких языках, кроме русского. Но его пламенный творческий дух был раздавлен железной пятой царского самодержавия. Борец и мыслитель, для которого умственный труд являлся первым условием жизни и счастья, был заживо погребен в ледяной братской могиле в Сибири, в безутешном, смертельном одиночестве, далеко от всех тех людей, которые были людьми не только по внешнему виду.



НЕКРОЛОГ ЧЕРНЫШЕВСКОМУ, НАПЕЧАТАННЫЙ В НЕМЕЦКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ГАЗЕТЕ «DER SOZIALDEMOKRAT» ОТ 16 НОЯБРЯ 1889 г.

Газета выходила в то время в Лондоне. Одним из редакторов ее был Фридрих Энгельс

Долгие годы ему не разрешалось ни писать, ни читать. Когда же ему, наконец, вернули перо и книги, то в России не нашлось ни одной газеты, которая решилась бы поставить под статьями подпись „политического преступника“. Если же какая-либо из его статей без его подписи попадала в газеты, то в тесном дружеском кругу, под покровом величайшей тайны, шепотом передавали друг другу, что она принадлежит перу Чернышевского.

И все же из могильной глубины сибирской каторги, вопреки всему, вопреки цепям, налагаемым русской цензурой на мысль, в течение четверти слишком самого тревожного и богатого событиями столетия, имя Чернышевского проникало в далекий мир, в великое, ничего не забывающее, сердце страдающего и борющегося человечества. Там, где живут идеи социализма,— а где же в наши дни их нет?—рядом с именами величайших и благороднейших героев и мучеников нашего всемирного движения живет и имя этого спокойного, скромного, вначале никому не известного русского человека. Чернышевский принадлежит миру, новому и стремящемуся вперед миру. Он выстрадал и завоевал себе место в Пантеоне человечества.

Это мировое значение великого усопшего коренится в том, что он, в буквальном смысле этого слова, открыл идею социализма Восточной

* Как известно, Чернышевский один раз и на весьма короткий срок выезжал за границу — в 1859 г. для конспиративного свидания с Герценом в Лондоне.— *Ред.*

Европе, подобно тому, как Маркс открыл ее остальному цивилизованному миру, в том числе и германскому народу. Если же учесть, что эти открывающие новую эру сочинения Чернышевского, и в особенности — „Экономические очерки“, приложенные им в качестве комментария к „Политической экономии“ Джона Стюарта Милля — самого передового и честного из всех буржуазных политико-экономистов — появились в 1850-х годах, до выхода в свет основного труда Маркса, когда не только не существовало никакой социалистической, но и вообще какой бы то ни было политико-экономической литературы, то мы можем себе представить, какое громадное впечатление эти сочинения произвели на тогдашнее молодое поколение России.

О *внешних событиях жизни* Чернышевского мы можем сейчас сказать мало такого, что не было бы известно из прежних статей и рецензий. Его публицистическая и литературная деятельность в качестве редактора и главного сотрудника „Современника“ продолжалась всего восемь лет — с 1855 по 1863 г.* Правительству, напуганному пробуждением общественного мнения, он показался слишком „опасным“. Его решили уничтожить. Его арестовали, инсценировали суд над ним и приговорили к *пожизненной ссылке в Сибирь*. За время пребывания в крепости под следствием он написал свой бессмертный роман „Что делать?“ Затем его мощный голос замолк на долгие годы. Русское правительство не освобождало своей жертвы до тех пор, пока не сломило его опасного для царизма духа.

И наконец, после пытки, длившейся четверть века, пытаемый был „помилован“. Когда смерть уже завладела его сердцем, тогда „царская милость“ позволила ему умереть в его любимом Петербурге**, где его когда-то приветствовали тысячи людей...

Умереть? Нет! Такие люди, как Чернышевский, не умирают! Его дух живет среди нас и будет жить до тех пор, пока люди будут хранить священный огонь идеалов»¹⁰⁵.

В дни, последовавшие за кончиной Чернышевского, немецкой рабочей печати стало известно также о демонстрации революционной молодежи, которая состоялась в память Чернышевского во Владимирской церкви в Петербурге.

Из буржуазных органов поместила корреспонденцию из Петербурга об этих событиях мюнхенская газета *«Allgemeine Zeitung»*. 10 ноября 1889 г. газета писала: «В городе распространился слух, — здешние газеты о таких вещах сообщать не могут, — что в воскресенье должна состояться студенческая демонстрация по случаю смерти Чернышевского. Студенты Университета, Технологического института и Военно-медицинской академии соберутся in corpore во Владимирской церкви, чтобы отслужить панихиду по умершему».

Далее *«Allgemeine Zeitung»* утверждала, что демонстрация не состоялась. Но, как видно из корреспонденции в венской *«Arbeiter Zeitung»* 15 ноября 1889 г., это не соответствовало истине. Корреспондент *«Arbeiter Zeitung»* сообщал, что 500—700 студентов собрались во Владимирской церкви и без участия духовенства пропели «по православному обряду „вечную память“» умершему. Полиция им не препятствовала.

То же самое сообщает 23 ноября 1889 г. лондонский *«Der Sozialdemokrat»* (№ 47) на основании материала, напечатанного в будапештской *«Arbeiter-Wochen-Chronik»*.

Вот полностью текст этого отчета, написанный с глубоким чувством:

* Сотрудничество Чернышевского в «Современнике» началось осенью 1853 г. и закончилось в 1863 г., уже после его ареста, печатанием романа «Что делать?» — *Ред.*

** В Саратове. — *Ред.*

Передовым людям *России* удалось, несмотря на царскую полицию, устроить *внушительные поминки* по своему великому учителю—*Чернышевскому*. Правда, что их пришлось устраивать в церкви — единственном месте в *России*, где можно беспрепятственно собираться.

«*Arbeiter-Wochen-Chronik*» получила из *Петербурга* следующее письмо с описанием этой демонстрации:

«Похороны Чернышевского состоялись в Саратове, 1 ноября, через четыре дня после его кончины. Множество народа следовало за его гробом, который друзья и родные несли на руках к месту последнего успокоения.

В *Петербурге*, в одной из больших церквей состоялась внушительная демонстрация. Несмотря на то, что о ней не было сообщений в газетах, большая толпа, состоявшая главным образом из лучших представителей русской молодежи, студентов Университета и других высших учебных заведений, слушателей Высших курсов, нескольких офицеров и социалистов-шестидесятников, направилась к *Владимирской церкви* как раз в то время, когда народ выходил из нее после службы. Громадная церковь сразу наполнилась демонстрантами еще до того, как полиция могла помешать этому. Послали за священниками, но все они отказались отслужить панихиду. Демонстранты ждали результатов переговоров, сохраняя спокойствие и достоинство; один молодой человек организовал здесь же сбор денег, давший значительную сумму, предназначенную на увековечение памяти Чернышевского.

После того как демонстранты в течение часа тишечно ожидали священника, все собравшиеся, словно по уговору, запели „Вечную память“. Впечатление, произведенное этим пением, не поддается описанию. Церковь была единственным местом, где демонстранты могли совершить обряд своей религии свободы и братства. Священники поступили правильно, отстранившись и предоставив церковь тем, кто не исповедует печального и лукавого христианского смирения, а провозглашает необходимость борьбы во имя социальной справедливости и освобождения трудящихся.

Этой борьбе Чернышевский посвятил свои произведения и всю свою жизнь. Память о нем сохранится навеки!

Собравшиеся в небольшом числе в церковном притворе полицейские совершенно растерялись и не знали, что предпринять. Они не подозревали о готовящейся демонстрации. Пристав удовлетворился тем, что спокойно ждал в притворе, пока толпа начнет выходить и затем потребовал, чтобы все разошлись. С особым чувством и сознанием исполненного благородного долга все участники демонстрации, не обращая внимания на полицию, направились по домам до того, как жандармы и казаки успели оседлать коней и организовать последний акт русских демонстраций. Но в русской печати об этом не было ни словечка!»...

Западная буржуазная печать также обходит это многозначительное событие мертвым молчанием. Во французских газетах можно было прочесть сообщение из *Петербурга* о том, что «в память одного нигилиста, который провел двадцать лет в Сибири» его товарищи устроили демонстрацию в одной из петербургских церквей. *Одного* нигилиста, это, право, весьма точно сказано. Это звучит примерно так же, как если бы о Дидро сказали: «один французский писатель прошлого века». Зато мы с удовольствием прочли в том же сообщении, что демонстрация была через несколько дней *повторена*. Это указывает на весьма радующее нас явление — на усиление освободительного движения в *России*.

Отчет о демонстрации петербургских студентов в лондонском «*Der Sozialdemokrat*» вместе с некрологом в «*Berliner Volks-Tribüne*» являются последними за 1889 г. сообщениями о Чернышевском в немецкой рабочей

печати. В них его называли «великим учителем всех прогрессивных умов в России». Собранные и изученные нами материалы не оставляют сомнения в том, что к исходу жизненного пути Чернышевского сознание его величия разделялось всем немецким рабочим классом.

Укажем в заключение, что в 1890 г. в теоретическом журнале немецкой социал-демократии «Die Neue Zeit» была напечатана большая статья Плеханова о Чернышевском. Речь идет о несколько сокращенном переводе статьи из женевого русского журнала «Социал-демократ»¹⁰⁶. В 1894 г. в социалистическом издательстве И.-Г.-В. Дитца вышла монография о Чернышевском Плеханова с опубликованным лишь в этом издании предисловием автора¹⁰⁷.

Несомненно, что эти труды выдающегося русского марксиста значительно способствовали систематическому распространению сведений о Чернышевском в немецком рабочем классе.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Приношу искреннюю благодарность профессору М. Н. Пархоменко, который в качестве представителя советской науки оказал в 1954 г. важные услуги молодым немецким славистам и побудил меня приступить к этому исследованию. Приношу также благодарность Институту марксизма-ленинизма в Берлине, особенно директору библиотеки этого Института д-ру Бруно Кайзеру.

² Ветеран немецкого рабочего движения Герман Дункер подтвердил автору настоящего исследования, что уже к концу прошлого столетия Чернышевский был хорошо известен деятелям немецкого рабочего движения.

³ Алексей Твeртинов. Об объявлении приговора Н. Г. Чернышевскому, о распространении его сочинений на французском языке в Западной Европе и о многом другом. СПб., 1906, стр. 58, 74—75.

⁴ Н. В. Шелгунов. Воспоминания. М.—Пг., 1923, стр. 161—162.

⁵ D. K. Schedo-Ferroti. Nihilisme en Russie. Berlin—Bruxelles, 1867; Nikolai Karlowitsch. Die Entwicklung des Nihilismus. 1 u. 2 Aufl. Berlin, 1879; 3 Aufl. Berlin, 1880; Johannes Scherr. Die Nihilisten. Leipzig, 1885 (3 Aufl.).

⁶ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. I. СПб., 1906, прилож., стр. 125 и след.; М. Н. Чернышевский. О Чернышевском. Библиография 1854—1910. Изд. 2. СПб., 1911, стр. 16, 17, 19, 20, 30, 32, 54.

⁷ Н. В. Спичарская. Неизвестная статья А. Бебеля о Чернышевском.— «Доклады и сообщения Филологического института» (ЛГУ), вып. 1. 1949, стр. 92—123.

⁸ «Архив Маркса и Энгельса», т. XI. М., 1948, стр. 3 и след., 172 и след.; т. XII. М., 1952, стр. 3 и след. См. также прим. 64.

⁹ Эти книги находятся в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в Москве.

¹⁰ Некоторые либеральные немецкие газеты тоже уделяли внимание событиям, связанным с именем Чернышевского.

¹¹ «Das russische Budget».— «Magazin für die Literatur des Auslandes», Leipzig, 7 V 1862, № 19, p. 228.

¹² «Alexander Herzen über die russische Literatur».— Там же, Leipzig, 6 V 1865, № 19, pp. 259—261; см. также 1 IV 1863, № 13, pp. 149—150 («Die Slavophilen und die Freunde des Westens in Russland») («Славянофилы и западники в России»); 1 IX 1866, № 35, pp. 494—495 («Russland nach dem Attentat vom 16 April») («Россия после покушения 16 апреля»).

¹³ Sigismund Ludwig Borkheim. Zur Erinnerung für die deutschen Mordspatrioten. 1806—1807. Leipzig, 1871.

¹⁴ Этот экземпляр находится в Институте марксизма-ленинизма в Берлине.

¹⁵ Sigismund Borkheim. Zur Erinnerung für die deutschen Mordspatrioten. 1806—1807. Mit einer Einleitung von Fr. Engels. Hottingen—Zürich, 1888.

¹⁶ Серия статей «Процесс Базена» была напечатана в «Der Volksstaat» за 25 и 27 III, 17, 22 и 29 IV, 6 V 1874 г. То, что эти статьи (они напечатаны анонимно) действительно написаны Боркгеймом, видно из письма Боркгейма к жене В. Либкнехту от 26 декабря 1873 г. Письмо это находится в Институте марксизма-ленинизма в Берлине (Wolf Düwel. Cernyševskij in Deutschland (Dissertation). Berlin, 1955, pp. 70, 226).

¹⁷ Письмо Энгельса к Иоганну Фил. Беккеру от 20 июня 1884 г. (Friedrich Engels. Vergessene Briefe. Berlin, s. a., pp. 53—54; К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII, стр. 386).

О работах Боркгейма над воспоминаниями свидетельствуют также два письма его к Либкнехту от 27 января 1880 г. и от 25 марта 1885 г. (Wolf Düwel. Op. cit., pp. 70—71).

¹⁸ W. D ü w e l. Borkheim und die Černyševskij-Studien von Karl Marx.— «Vorträge auf der Berliner Slawistentagung» (11—13 XI 1954). Berlin, 1956, pp. 201—202.

¹⁹ Там же, стр. 207 и след. Ср. в настоящем томе, стр. 703—712 в публикуемых Б. П. Козьминым новых материалах об А. А. Серно-Соловьевиче.

²⁰ Там же, стр. 212 и след.

²¹ «Demokratisches Wochenblatt» выходил в то время тиражом в 1300 экз. (Karl Marx/Friedrich Engels. Briefwechsel. Berlin. 1950, Bd. IV, p. 28; К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 23).

²² S. B(orkheim). Russische politische Flüchtlinge in West-Europa («Русские политические изгнанники в Западной Европе»).— «Demokratisches Wochenblatt», 1 и 8 II 1868, № 5, pp. 36—37, № 6, pp. 45—46.

²³ Герцен, т. XV, стр. 500.

²⁴ «Demokratisches Wochenblatt», 8 II 1868, p. 45.

²⁵ Цитируемое письмо напечатано в изданном Борггеймом немецком переводе памфлета «Наши домашние дела»: A. Serno-Solowiewitsch. Unsere Russischen Angelegenheiten. Leipzig, 1871, p. 2. Ср. в настоящем томе, стр. 714—716.

²⁶ <S. L. Borkheim> Zur orientalischen Frage. Ein Briefwechsel.— «Demokratisches Wochenblatt», 5 IX 1868, № 36 (Beilage), 12 и 19 IX, № 37 и 38.

²⁷ Там же, 19 IX 1868, № 38 (Beilage)

²⁸ Там же, 5 IX 1868, № 36 (Beilage). Сравнение с опубликованным в 1871 г. немецким переводом брошюры доказывает тождественность немецкого текста (A. Serno-Solowiewitsch. Unsere Russischen Angelegenheiten, p. 35).

²⁹ Marx/Engels. Briefwechsel. Bd. IV, p. 141; К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 122.

³⁰ «Русские письма» Борггейма были напечатаны в газете «Die Zukunft» за следующие числа 1869 г.: 28 I, 12 и 27 II, 21 III, 9 и 24 IV, 10 и 21 VII, 13 и 15 VIII, 2 XI; 1870 г.: 22, 23 и 25 II, 10 III, 15—17 и 23 VII.

³¹ Marx/Engels. Briefwechsel, Bd. IV, p. 180; К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 156—157.

³² Эта статья озаглавлена «Михаил Бакунин» (так же, как статьи за 13 и 15 августа и 2 ноября 1869 г.).

³³ Marx/Engels. Briefwechsel, Bd. IV, p. 189; К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 164.

³⁴ Там же, стр. 224.

³⁵ Там же.

³⁶ «Demokratisches Wochenblatt», 14 VIII 1869, № 33.

³⁷ Emanuel Wurm. Volks-Lexikon, Bd. IV. Nürnberg, 1899, p. 412.

³⁸ «Der Volksstaat», 16, 19, 23 II 1870; «Demagogenhetze in Rußland» («Демагогическая горячка в России»).— «Social-Demokrat», 23 II 1870, № 23 (перепечатка листовки «Народной расправы»).

³⁹ «Der Volksstaat», 26 II 1870, № 17.

⁴⁰ <S. L. Borkheim> Der Brief Njetschajeffs (Письмо Нечаева).— «Der Volksstaat», 16 III 1870, № 22.

⁴¹ «Die Antwort auf den Brief an Njetschajeff» («Ответ на письмо к Нечаеву»).— «Der Volksstaat», 6 IV 1870, № 28.

⁴² <S. L. Borkheim> Der Verfasser der «Russischen Briefe» an die «Drei Parteigenossen» (Автор «Русских писем» «трем партийным товарищам»).— «Der Volksstaat», 30 IV 1870, № 35.

⁴³ «Die „Drei Parteigenossen“ an den „Verfasser der Russischen Briefe“» («Три партийных товарища автору „Русских писем“»).— «Der Volksstaat», 4 VI 1870, № 45.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ <S. L. Borkheim> Der Verfasser der «Russischen Briefe» an die «Drei Parteigenossen», (Автор «Русских писем» «трем партийным товарищам»).— «Der Volksstaat» 16 VII 1870, № 57.

⁴⁶ Там же. См. также: S. L. Borkheim. Njetschajeff die «Kreuzzeitung» und die Schweiz.— «Der Volksstaat», 20 XI 1872, № 93.

⁴⁷ «Neuer Social-Demokrat», 20 III, 23 VIII, 30 VIII 1872, №№ 34, 97, 100.

⁴⁸ Marx/Engels. Briefwechsel, Bd. IV, pp. 350—351, 372—373; К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 305—306, 324—325. Письмо Маркса датировано 16 марта 1870 г. явно неправильно. Оно могло быть написано не раньше середины мая (Wolf D ü w e l. Černyševskij in Deutschland, p. 223).

⁴⁹ «Der Volksstaat», 16 III 1870, № 22.

⁵⁰ «Такие труды, как Флеровского и как вашего учителя Чернышевского,— писал Маркс,— делают действительную честь России и доказывают, что ваша страна тоже начинает участвовать в общем движении нашего века» («Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями». Изд. 2. М., 1951, стр. 39).

⁵¹ Маркс в письме от 21 февраля 1870 г. пишет о разговоре с Борггеймом по поводу Флеровского: «В тот вечер, когда я был у него», то есть 18 февраля, как это видно

из письма от 19 февраля 1870 г. (Marx/Engels. Briefwechsel, Bd. IV, pp. 339—341, 363; К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 295, 297, 316).

⁵² См. прим. 30.

⁵³ Julius Eckardt. Jungrussisch und Altlivländisch. Leipzig, 1871, pp. 124—196.

⁵⁴ Там же, стр. 41.

⁵⁵ S. L. Borkheim. Gospodin Julius Eckardt und der selige Nadworny Ssow-jättnik (Hofrath) Alexander Herzen (Господин Юлиус Эккардт и покойный надворный советник Александр Герцен). (Эккардт в своей книге неоднократно называет Герцена «надворным советником» — прим., стр. 163, 167). — «Der Volksstaat», 1 II 1871, № 10.

⁵⁶ «Der Volksstaat», 22 III 1871, № 24. Статья озаглавлена «Возражение» и подписана: «Eine Russin» («Русская»). В начале статьи автор заявляет: «Я надеюсь, что моя национальность не окажется препятствием к напечатанию этого ответа». «Конечно, нет, — говорится в подстрочном примечании редакции. — Мы помещаем ваше возражение, не будучи с ним согласны».

⁵⁷ <S. L. Borkheim.> Eine Russin. — «Der Volksstaat», 12 IV 1871, № 30.

⁵⁸ Письмо Маркса к Даниельсону от 12 декабря 1872 г. — «Die Briefe von Karl Marx und Friedrich Engels an Danielson (Nicolai-on)». Leipzig, 1929, p. 12; К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVI, стр. 306.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Wolf Düwel. Borkheim und die Černyševskij-Studien, pp. 204—205, 207—211.

⁶¹ <S. L. Borkheim.> Ein Preussischer Press-Vizejefreitor («Прусский ефрейтор от печати»). — «Die Zukunft», 3 VII 1871. Вероятно, переговоры велись между Бorkгеймом и Кинкелем, издателем еженедельника «Hermann». См. Marx/Engels. Briefwechsel. Bd. IV, p. 339; К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV стр. 295.

⁶² A. Serno-Solowiewitsch. Unsere Russische Angelegenheiten. Leipzig, 1871, p. 10.

⁶³ «Parteien und Politik des modernen Rußland. Aus dem englischen von Sigismund Borkheim». Zürich, 1872, p. 14.

⁶⁴ Об отношении Маркса и Энгельса к Чернышевскому — см. «Переписку К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями». Изд. 2; М. Серебрякова. Классики марксизма-ленинизма о Н. Г. Чернышевском. — Сб. «Н. Г. Чернышевский», 1941, стр. 46—47.

⁶⁵ «Der „milde Czar“» («Милосердный царь»). — «Der Volksstaat», 9 VII 1875, № 77.

⁶⁶ Герман Александрович Лопатин (1845—1918). Автобиография. Показания и письма. Статьи и стихотворения. Библиография. Пг., 1922, стр. 91—101.

⁶⁷ Там же, стр. 124—126. См. также: «Der milde Czar». — «Der Volksstaat», 11 VII 1875, № 78.

⁶⁸ O—n. Der Prozess der «Einundzwanzig» in Petersburg. — «Der Sozialdemokrat», 23 VI 1888, № 26.

⁶⁹ Имя Мышкина не было названо в корреспонденции («Лит. наследство», т. 25-26, 1936, стр. 559).

⁷⁰ «Eine sozialistische Demonstration in Rußland» («Социалистическая демонстрация в России»). — «Der Volksstaat», 18 VI 1876, № 70. — В сообщении сказано, что множество рабочих присоединилось к демонстрации в петербургских пригородах.

⁷¹ С конца 1876 по 1878 г. в Лейпциге вместо «Der Volksstaat» выходил «Vorwärts».

⁷² Fr. J. Celestin. Rußland seit Aufhebung der Leibeigenschaft. Laibach, 1875, p. 348 ff.

⁷³ K. Walcker. Zur Geschichte des russischen Sozialismus («К истории русского социализма»). — «Unsere Zeit. Deutsche Revue der Gegenwart». Leipzig, B. Jahrg., 1. Hälfte, 1877, p. 709 ff.

⁷⁴ «Die Abschaffung der Aesthetik». — «Der Volksstaat», 23, 25, 28, 30 VI; 2, 5, 7, 9, 12 VII 1876, №№ 72—80.

⁷⁵ Возможно, им был Светозар Маркович.

⁷⁶ Nikolai Karlowitsch. Die Entwicklung des Nihilismus. Berlin, 1879 (2 Aufl.), p. 59.

⁷⁷ Там же, стр. 19.

⁷⁸ Nikolai Karlowitsch. Die Entwicklung des Nihilismus. Berlin, 1880 (3 Aufl.), pp. 3—4.

⁷⁹ «Der Sozialdemokrat», 27 IX 1890; К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 69.

⁸⁰ R. «Nekrolog auf Černyševskij». — «Der Sozialdemokrat», 22 II 1880, № 8. Криптоним «R.» не встречается ни у одного из тогдашних постоянных сотрудников газеты. Между тем в Цюрихе жил в то время русский эмигрант Максим Ромм, находившийся в дружеских отношениях с Каутским и Бернштейном. По свидетельству последнего, в их кругу много говорили о Чернышевском. См. Eduard Bernstein. Sozialdemokratische Lehrjahre. Berlin, 1928, pp. 100—101. Не был ли Ромм автором некролога?

⁸¹ «Vossische Zeitung», 22, 23 IX 1881; «Augsburger Allgemeine Zeitung», № 22, 24 IX 1881.

⁸² В. А. Крылов. Эпизод на литературном конгрессе в Вене.— «Исторический вестник», 1900, № 2, стр. 704—717. См. также «Augsburger Allgemeine Zeitung», 25 IX 1881.

⁸³ М. Н. Чернышевский. О Чернышевском. Библиография 1854—1910. Изд. 2, стр. 20.— О «Baltischer Föderalist» см.: А. Т h u n. Geschichte der revolutionären Bewegungen in Rußland. Leipzig, 1883, p. 367.

⁸⁴ Н. М. Чернышевская. Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского. М., 1953, стр. 501—502.

⁸⁵ «Lebendig begraben». — «Der Sozialdemokrat», 19 X 1882, № 43.

⁸⁶ N. G. Tschernyschewskij. Was thun? Leipzig, 1883 (3 Bände). Об истории издания «Что делать?» на немецком языке см.: М. П. Алексеев. Н. Г. Чернышевский в западноевропейских литературах.—Сб. «Н. Г. Чернышевский» (Ленингр. Гос. Университет). Л., 1941, стр. 242—269.

⁸⁷ N. G. Tschernyschewskij. Was tun? Berlin, SWA-Verlag, 1947; Aufbau-Verlag. Berlin, 1952.

⁸⁸ A. Serno-Solowiewitsch. Unsere Russische Angelegenheiten, p. 3.

⁸⁹ Там же, стр. 10.

⁹⁰ D. K. Schedo-Ferroti. Aus der Literatur des Nihilismus.— «Globus». — «Illustrierte Zeitschrift für Länder- und Völkerkunde», Bd. XIX, Braunschweig, 1871, pp. 140—142, 155—157, 171—175, 216—218, 230—232.

⁹¹ J. H. Russischer Nihilismus.— «Magazin für die Literatur des Auslandes», 1872, N 2, pp. 20—21.

⁹² Fr. J. Celestin. Rußland seit Aufhebung der Leibeigenschaft. Laibach, 1875, pp. 356—363.

⁹³ «Meyers Konversations-Lexikon». 3 Aufl., Bd. XIII. Leipzig, 1878, p. 891.

⁹⁴ R. Löwenfeld. Černyšewskij und sein Roman «Was thun?». — «Unsere Zeit. Deutsche Revue der Gegenwart», 1882, Bd. II, pp. 608—624.

⁹⁵ Там же, стр. 620.

⁹⁶ Там же, стр. 623—624.

⁹⁷ Там же, стр. 624.

⁹⁸ W. Henckel. Zur russischen Roman-Literatur.— Beilage zur «Allgemeinen Zeitung», 1883, N 298 vom 26 Oktober, pp. 4387—4388.

⁹⁹ Heinrich Teweles. «Was thun?» Erzählungen von neuen Menschen. Roman von N. G. Tschernyschewskij (Rezension). — «Magazin für die Literatur des In- und Auslandes», 1884, N 21, 24 Mai, pp. 334—335.

¹⁰⁰ <A.> B(ebel). Ein idealistischer Roman. — «Die Neue Zeit», Revue des geistigen und öffentlichen Lebens. Stuttgart, 1885, pp. 371—373. Статья подписана Б. Указание на авторство Бебеля дано в перечне содержания газеты за 1883—1902 гг. См. «Die Neue Zeit». General-Register des Inhalts der Jahrgänge 1883 bis 1902. Stuttgart, 1905, S. 5: Bebel, August. Ein idealistischer Roman. A III, S. 371.

¹⁰¹ K. Zetkin. Die russischen Studentinnen. — «Die Neue Zeit», 1888, pp. 357—371.

¹⁰² Paul Ernst. Tschernischewski. — Sonntags-Beilage zur «Vossischen Zeitung», 10 XI 1889, N 45.

¹⁰³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVII, стр. 13.

¹⁰⁴ «Nikolaus Gavrilowitsch Tschernyschewsky». — «Der Sozialdemokrat», 16 XI 1889.

¹⁰⁵ «Tschernyschewsky». — Beiblatt zur «Berliner Volks-Tribüne», 23 XI, 1889, N 47.

¹⁰⁶ G. Plechanoff. N. G. Tschernischewsky. — «Die Neue Zeit», 1890, № 8, pp. 353—376 и № 9, pp. 404—442. Г. В. Плеханов. Сочинения, т. V. Изд. 2. М.— Л., 1924, стр. 21 и след.

¹⁰⁷ G. Plechanow. N. G. Tschernyschewsky. Eine literar-historische Studie. Stuttgart, 1894.